

Татьяна Старкова

Летающий мир

12+

Татьяна Старкова
Летающий мир

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Старкова Т. О.

Летающий мир / Т. О. Старкова — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Легкая, воздушная городская фентэзи, наполненная небом, летом, романтикой и тайной. Читается на одном дыхании. О молодости, влюбленности, о волшебстве Летающих людей и дорогой цене, которую приходится платить за искусство полета. О дальних дорогах и друзьях, для которых нет барьеров ни во времени, ни в пространстве. О тех мирах, что так тесно и незаметно соприкасаются с нами, что мы и не подозреваем об их существовании. И лишь иногда наша внутренняя струна, услышав отголоски далекой и дивной мелодии, откликается болью, отзываясь на звучавшую в нас когда-то, но давно утраченную музыку неба...

Содержание

2	10
3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Часть 1.

ЛЕТАЮЩИЙ МИР. ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

*Вечер голубой
Погасил свет,
Ветер за собой
Заносил след,
И огни над городом, –
Сверху вниз
Синими узорами
Разошлись.*

*А моя дорога
Уйдет в ночь,
Сквозь косые просеки
Канет в лес,
Мимо трав, подлесками, -
И сквозь тьму
К свету, мне известному,
Одному.*

Заметки на полях

Я работаю... неважно, кем я работаю, я просто зарабатываю себе на хлеб. Настоящее мое занятие, мое призвание, если хотите – никак не связано с моей работой. Я собираю осколки времени. Это я их так называю. Можно их еще назвать по-другому. Бывает иногда, под воздействием неких сил, событий и обстоятельств, ткань обычной реальности как бы разрывается, и становится видна, очевидна, и начинает действовать иная природа этого мира. Не думайте, что я романтик. У каждого из нас бывают такие моменты в жизни. Их не так уж и много. Но именно в это время, как потом оказывается, мы и живем по-настоящему.

Ну, так вот. Я собираю эти моменты, стараюсь отыскать их. Они разбросаны – как осколки времени. Дело в том, что в момент прорыва время начинает течь по-другому. Иногда – останавливается и замирает. Иногда – наоборот, летит на всех парах. А потом все заканчивается, и мир берет свое, возвращаясь к обычному порядку вещей. Но осколки времени остаются. Их надо просто найти. Вот я и ищу их.

И больше всего осколков, которые я знаю, – так уж случилось, – связано с Летающим миром. Это было давно... Но больше нигде и никогда я не встречал столько осколков сразу. Такое уж было время.. Теперь все ушло, – как не бывало, – и Летающих людей нет среди нас. А я вот все помню... может быть, я – один из последних, кто еще помнит Летающий мир...

ИЮНЬ

1

– Са-кир-ка! – раздался крик со двора.

И еще раз, с большей безнадежностью:

– Ну, Са-кир-ка!

В окне показалась взлохмаченная голова Сакирки. И конечно, во дворе была Маркиза.

– Ой, Сакиркин, помоги! Я не могу улететь. А мне так надо завтра уже лететь в Заозерье, а я не могу. Ну помоги мне – в последний раз.

В ее голосе слышалась мольба. Но под ней – лукавство: «Куда ты денешься, все равно я тебя достану!»

– Маркиза, шесть утра. У тебя совесть есть?

– У меня есть, конечно, совесть, только вот лететь мне срочно надо. Пожалуйста, Сакирка, милый, помоги мне!

«Уж куда мне деваться!» – подумал Сакирка.

– Жди. Сейчас спущусь.

– Спасибо! – раздалось повеселевшее снизу.

Он залез на подоконник. Там, за границей подоконника, цвело первое июньское утро – раннее, туманное. День обещал быть солнечным и приветливым. Как в тот день, когда он сам учился полету.

Сакира раскрыл руки навстречу солнцу, и оно согрело их. Он сосредоточился на секунду. Услышал музыку. И в такт ей легко и послушно подхватил его ветер и унес – вниз, на зависть Маркизе, сидевшей на корточках, подперев кулачками симпатичную мордашку, и глядевшей виноватым ребенком.

– Ты прямо отсюда хочешь стартовать? – спросил он.

Она огляделась. Потом, неуверенно улыбаясь, сказала:

– Нет, ну... Давай отойдем немного, где деревья. В шесть утра нас еще никто не увидит особо, но лучше как-то это... соблюдать осторожность.

Они отошли под высокие деревья. На листьях серебрилась утренняя роса, а в ее каплях улыбалось летнее солнце. У Сакиры уже было хорошее настроение. Но для порядку хотелось поворчать немного.

– Ну что ты за человек, Маркиза. Нет мне от тебя покоя. Ладно, давай вставай и дай мне свои руки. Вот так. Я тебе все уже объяснял. Главное – слушай музыку. Слушай. Когда услышишь ветер, как бы лети по ветру. Не забывай про музыку. Вот, давай мне руки, я тебя поддержу. Не бойся, мы не упадем, – я же рядом.

Он улыбнулся ей. Он держал ее тонкую руку с узкой ладошкой.

– Узкие руки, узкие брюки, черная жилетка, девочка-кокетка.

– Ты что? – удивилась Маркиза.

– Ладно, ладно, шучу. Теперь давай серьезно. Когда ты услышишь ветер, лети. А потом тебе надо самой подхватить ветер. Иначе тебя унесет, – ищи тебя потом! Тебе нужно напрячься, стать прямой и гибкой, как стрела.

– Стрела не гибкая, Сакирка. Это бумеранг какой-нибудь гибкий. А стрела жесткая и твердая и...

– Значит, стань жесткой. Тебе надо суметь переломить ветер. – Сакира стал серьезен. – Это не шутки, Маркиза. Ты про уэслеров слыхала?

– Знаю, знаю я про страшных уэслеров. Но скажи, Сакира, неужели летать – так трудно? Ведь кажется, полет – это как танец...

– Будет тебе и танец и все такое. Но сначала надо стать очень жесткой и сильной – сильнее ветра. А свобода придет потом. Ладно, хватит болтать. Все. Слушай музыку.

Они затихли. Сакира глядел на небо. Мысленно он измерял путь, угол полета. Нижние ряды облаков медленно проплывали над ними, расчищая небо. Сакира выжидал удобный момент – чтобы не лететь против солнца, и в то же время – чтобы его лучи, прорвавшись сквозь белену облаков, освещали путь. Вот первый луч показался из-за края облака. Сакира медленно поднял к нему руки. И где-то внутри его задрожала, зашелестела, запела струна. Он ждал ответа.

Ждала и Маркиза. Еле-еле слышно звучала ее музыка, и она боялась: а вдруг ответа не будет? Вроде бы что-то слышно... Или нет, ей чудится...

Он встряхнул ее ладошку: «Давай!» Она смелее подняла глаза. Над ней плыли облака – белые, мягкие. От руки Сакиры расходилось тепло по ее телу, это тепло словно обволакивало ее, она становилась легче, легче... И наконец, ветер ее поднял.

Они летели все выше, выше, туда, где облака теряли свою белизну. Солнце позолотило их. Солнце было где-то позади – Маркиза чувствовала теплое прикосновение к волосам и шее. Выше облаков было небо – синее и чистое. Как прозрачно и легко оно было! Какое удовольствие, – подумала Маркиза, – дышать прохладой этого рассветного воздуха. Словно больше ничего и не нужно.

Ясный, тихий, низкий, но слышимый здесь все сильнее и сильнее звук наполнял все вокруг. Музыка была спокойной, – значит, вблизи было безопасно. Звуки неба сливались с собственной музыкой Сакиры – спокойной, теплой, с низким звучанием. Слышала Маркиза и свою музыку – легкую, чуть звенящую.

– Ты колокольчик, – улыбнулся Сакира.

И на ее вопросительный взгляд пояснил:

– Когда я касаюсь тебя, я слышу звон колокольчиков.

Но вот среди звуков, наполняющих небо, словно бы появилась легкая рябь. Звучание стало сбиваться.

– Ветер, – посерьезнел Сакира, – теперь держись.

И его собственная музыка зазвучала сильнее. Маркиза теперь слышала в ней гулкие, суровые звуки. Она крепче сжала его руку, – и в этот момент поняла, что это значит – стать стрелой. Рука, да и все тело Сакиры, стало твердым и словно направленным к единственной цели. А рябь усиливалась. В лицо ей повеяло холодом. Она ощутила легкий удар воздуха. Музыка было уже еле слышно. Гул наполнял все вокруг, гул и движение. Маркизе показалось, что облака катятся прямо на нее. Ей стало страшно. Рядом был Сакира. Но он стал словно неодушевленным – жестким был его взгляд, прямолинейно движение. Она вдруг поняла, что ей придется сражаться самой. Вокруг нее сгустился хаос. И на каком-то неизвестном ей еще инстинкте, Маркиза обратилась за помощью не вовне, а внутрь себя. Не было больше звуков музыки вокруг. Но внутри нее они еще звучали. Она вся обратилась в слух. Громче, громче... Маркиза почувствовала толчок, – и запела. Вырвались звуки, жившие в ней, летели по ветру, – и с удивлением Маркиза услышала себя, свой звонкий голос, перекрывающий ветер. Так много тысяч лет назад, призывая к сражению или походу, пели ее предки перед лицом великой опасности. Толчки не прекратились, но страх ушел. И вдруг оказалось, что между тучами облаков, летящих к ней, есть просвет. Маркиза ухитрилась придать направление своему телу, чтобы попасть туда. Как там Сакира? Она оглянулась и увидела, что он все это время был рядом. Более того, она все еще сжимала его руку. И она поняла, что теперь может отпустить ее.

И еще она поняла, – сразу и навсегда, – как обманчива мирная мягкость неба. Не ручной, домашний мирок был вокруг них. Величественно и враждебно клубились облака. Глубокой древностью дышал весь этот мир, в сравнении с которым Сакира и Маркиза, даже со своей боевой песней – песчинки среди мощных и грозных колоссов.

Ветер еще пытался сбить их с пути. А где-то вдали, – Маркиза теперь ясно это видела, – вздымались глухие, темные кручи, о которые звук разбивался словно о непроницаемую стену. Туда лучше было не приближаться. Это была зона уэслеров, среда их обитания.

А над ними все плыло небо. Но к небу подняться было нельзя. Почему-то невозможно пролететь выше неба, – подумала Маркиза, – словно мир имеет крышу. Хотя и известно, что никакой крыши над ним нет, но никому не дано преодолеть невидимый барьер, ограждающий небо от того, что над ним.

– Ладно, давай снижаться, – сказал Сакира.

Когда они спустились, и Маркиза смогла перевести дух, она увидела, что Сакирка доволен.

– Ну, ты классно летаешь, Колокольчик. Честно говоря, не ожидал.

Маркиза улыбнулась устало.

– Сегодня прилетает Вескис, – сказала она. – Она подхватит нас, и мы отправимся в Заозерье. Даже страшно подумать, – она покачала головой, – в такую даль! Хорошо еще, что ты со мной потренировался.

– Вескис хорошо летает, – сказал Сакира. – Очень хорошо. Но ты ведь со своей группой летишь, так что не бойся. Если что – подхватят.

– Да уж, не дадут пропасть.

Они подошли к его дому. Солнце уже высоко взошло. Люди потихоньку выходили на улицу, где-то в стороне слышался гул отъезжающих машин.

– Ну что, теперь – чай? – спросил Сакира.

– С удовольствием.

Когда они пили чай, Маркиза молчала. Ее давно мучил один вопрос, который она все не решалась задать. Но это утро так сблизило их. Маркиза колебалась. Наконец, она решилась:

– Послушай, Сакира... Я давно хочу у тебя спросить...

Он сразу понял, о чем. И его лицо невольно приняло обреченно-усталое выражение.

– Ты ведь так хорошо летаешь... Почему ты не вошел ни в одну группу? Ну, я уж не говорю о нашей, но – вообще...?

Он помедлил.

– У вас отличная группа, – сказал он. – Возможно, самая лучшая. По крайней мере, Вескис – точно самый лучший лидер, из всех, кого я знал.

Он сделал паузу. Маркиза ждала, вопросительно подняв брови.

Ему вдруг расхотелось отвечать серьезно.

– Ну что тебе сказать, малыш? Я – старый капитан-одиночка, порт приписки – не для меня. Когда-нибудь ты дорастешь до моих седин, и увидишь, что в этом есть... свои резоны.

– А-а, – протянула она.

– Ладно, расскажи, что вы там собираетесь делать, в Заозерье.

– Я сама толком не знаю. Что там обычно делают? Танцевать наверно будем при луне.

Слушать музыку.

«Зато Вескис знает, – подумал Сакирка, и холодок тревоги на миг коснулся его сердца, – она не зря тащит свою группу в Заозерье сейчас, когда тучи сгустились. Они будут там слушать музыку, которой здесь уже не услышишь». – Не боишься лететь?

– Боюсь очень, – серьезно сказала Маркиза, – Но ведь там все свои. Если что – помогут. Только на это и надеюсь.

И она улыбнулась.

Ей уже было пора. Сакира открыл окно.

– Ну что, – давай, – он широким жестом пригласил Маркизу. Она поморщилась, выглянув наружу. Там уже гуляли дети, люди шли куда-то по своим делам.

– Нет уж, я лучше обычным ходом.

На прощанье он положил ей руку на плечо. Ему хотелось сказать ей что-то важное, значительное – и в то же время легкое.

– Если что – цепляйся к кому-нибудь, кто поближе. Иногда это еще и путь к пониманию.

– Ладно уж. Спасибо тебе, Сакира.

Он смотрел из окна, как она отдаляется – медленно, потом все быстрее и забавнее, навстречу новому дню. Он смотрел ей вслед и думал:

«Если бы раньше... если бы встретить эту группу Вескис тогда, когда я был таким же, как эта милая Маркиза... Я бы бросил все и пошел с ними. Если бы раньше...»

Сакира закрыл окно и пошел мыть посуду. «Милая Маркиза...», – бормотал он и улыбался.

2

Дом группы Вескис занимал подъезд большого дома в новостройке. Добираться было не слишком удобно, но во-первых, рядом был лес с тропами, ведущими к озеру; во-вторых, дорога к дому была красива, и по пути можно было мечтать; а в-третьих у хозяина Дома дон Чезаре Пьетро руки все равно не дошли бы до переезда. Поэтому все терпели, и каждый старался обживать свое жилище, как мог.

Сейчас Вескис в Доме не было. Дверь Маркизе открыл заспанный дон Пьетро, потирая всклокоченную со сна бороду. Ей казалось, что прошло уже не меньше полдня, а дон Пьетро проворчал:

– Что это ты в такую рань – в выходной день!

– Че, я летала. Представляешь? Сакирка мне помог. – Маркиза проскользнула мимо него в большую прихожую, и расстегивала обувь.

Пьетро поморщился.

– Не думаю, что это самый лучший способ. Ты бы подождала, когда Вескис вернется.

– А Вескис не против была. И Сакирка – замечательный учитель.

– Он, может, парень и ничего, но какой-то... неприкаянный. И держалась бы ты от него подальше.

– Да ладно тебе! Ну, все, я пошла. И под укоризненное качание головой дон Пьетро Маркиза проскочила на кухню. – Так, что у нас на поесть?

Но дон Пьетро еще не закончил свою мысль. Для него в этом сложном мире все было просто: были хорошие ребята – «свои» – группа Вескис и их друзья, были «чужие», были «враги» – пинкеры, уэслеры и другие, поглощавшие летающих людей, и были еще непонятные одиночки, вроде Сакирки, которых он не одобрял, потому что неясно, к кому они в конце концов примкнут. Это он и пытался втолковать Маркизе, пока она уплетала омлет с сыром и помидорами, оставшийся от вчерашнего ужина. Но она только отмахивалась от его слов.

– Ты не прав, Че. Ну да, он сам по себе. Ну и что? Не всем же быть в группах! Может быть, у него свой такой путь.

– Я вижу, он тебе нравится. Но ты послушай, Маркиза, что я тебе скажу, послушай и запомни. – Дон Пьетро окончательно проснулся. – Если летающие не держатся группой, их просто однажды поглощают. Человек полетел, – и все, нет его. – дон Пьетро взмахнул рукой, как бы провожая человека. – И так было всегда. Нам, летающим, надо держаться вместе. Рано или поздно любой нормальный человек приходит в группу. И чем раньше, тем лучше. А Сакира Осава летает уже десять лет, – больше, чем ты, больше, чем наши ребята – Келвин, Остин и почти столько же, сколько Вескис. И если до сего часа он не нашел себе группу, значит он не способен к жизни в команде. Понимаешь? А время кустарей-одиночек прошло. Давно прошло. Когда-нибудь все это плохо кончится, и дай Бог, чтобы только для него. Еще раз говорю – держись от него подальше!

Маркиза кивала, – ей не хотелось спорить в такой светлый день. Не хотелось ей объяснить, что просто очень хотела она сделать сюрприз своей группе, и первый дальний полет проделать самостоятельно, не «вися на хвосте» у друзей. А кто ж ее этому научит, если все уверены, что Маркизе рано летать самой! И только Сакира, друг, неожиданно возникший несколько месяцев назад, принял ее намерение всерьез.

Она познакомилась с ним в Парке серебряных статуй – дивном творении прошлого века. Там она изучала искусство, а он работал. Он ухаживал за статуями – отливал из никеля и серебра специальные подставки для них, очищал от окисей. Для каждой фигурки он сделал свой «дом» из стекла и металла, куда убирал их от непогоды. Маркизу Сакира пленил своей

серьезностью и внутренним покоем, – возможно, только такой человек и мог заниматься его работой. Она и не думала, что он летает. В его мастерской в Парке было тесно, тепло и уютно. Свет там горел мягкий, приглушенный. Маркиза сидела, подбрав ноги, в огромном старом кресле возле печки для обжига. Сакира рассказывал о своих фигурах, – он знал историю каждой, и все эти истории были чудесны. А Маркиза рассказывала ему о своем детстве в далеком городе у моря, и тихое гудение печки похоже было на гудение морской раковины, когда ее подносишь к уху. И Маркиза полюбила бывать там. Не то, чтобы она специально приходила к Сакире. Но когда случалось ей бывать в Парке, и когда позволяло время, она с удовольствием просиживала у Сакиры часами. Он же никогда не возражал. Однажды, когда Маркиза вошла, Сакира работал, напевая песню. И Маркиза узнала этот мотив: так пели Летающие люди.

*Вечер голубой погасил свет,
Ветер за собой
заносил след,
И огни над городом – сверху вниз
Синими узорами разошлись*

Эту песню Маркиза услышала впервые от Вескис. А откуда Вескис принесла ее, – неизвестно. Но сомнений быть не могло – такие песни, как пароли, знали только Летающие люди. И тогда Маркиза тихонько запела ее продолжение:

*А моя дорога уйдет в ночь.
Сквозь косые просеки канет в лес.
Мимо трав, подлесками, – и сквозь тьму,
К свету, мне известному, одному.*

Работа Сакиры остановилась. Он улыбнулся, широко и светло, – Маркиза раньше не видела у него такой улыбки. «И ты?» – спросили его глаза. – «Ну да», – просияла она в ответ. Так они узнали, как многое их связывает, помимо любви к серебряным статуям.

Оказалось, конечно, что «стаж» Сакиры значительно больше, чем у Маркизы. Она в это время только-только училась полетам, больше в паре, с кем-то взрослым и сильным. Он же никогда не летал ни в паре, ни «клином», в команде, а лишь в одиночку. Маркиза знала, что в одиночку летать крайне опасно, и на далекие расстояния вообще не улетишь, – не хватит сил, ветер снесет. Только общее «поле» способно управлять ветром, создавая собственную музыку. Маркиза не решалась спрашивать Сакиру о многом, но поняла так, что летает он изредка, в спокойные дни, и не слишком далеко.

Оказалось также, что Сакиру многие знали, да и он знал многих ее друзей. Вескис не удивилась, когда Маркиза рассказала ей о Сакире. В отличие от Дона Пьетро, она не испугалась их дружбы. Видимо, она не считала, что Сакира сможет причинить Маркизе какой-либо вред.

– Вот видишь, Колокольчик, – сказала она (Колокольчиком Маркизу звали почти все за ее музыку, очень похожую на звон колокольчика), – у тебя уже появляются Летающие друзья вне группы. Мир Летающих людей не так уж мал. А Сакиру Осава я знаю давно. Он талантливый... по крайней мере, когда-то был очень талантлив.

Маркиза не решалась спросить Вескис или Сакиру, отчего он не вошел ни в одну группу. Он явно избегал этой темы, и она опасалась затронуть какую-то болезненную струну, которая разрушит их дружбу. Что-то, возможно, произошло у него когда-то такое, из-за чего он теперь предпочитал иметь дело с Серебряными статуями, а не с Летающими людьми.

– А если до сих пор он никуда не попал, значит с ним что-то не так, – уж не знаю что именно, это тебе виднее. – Дон Чезаре уже почти успокоился, и продолжал более миролю-

биво: – Может быть, он уже и не войдет ни в одну группу. Но тем хуже для него. Потому что, – сама знаешь, – долго одиночки тут – того... Ну, ты знаешь что. И все, давай быстрее, сегодня прилетает Вескис и наши, а я еще не убрал дом. Пойдем, поможешь мне.

Маркиза поморщилась, представив, что им вдвоем придется убираться во всем Доме. Но тут послышались голоса: это просыпались другие обитатели Дома Вескис. На кухню спустился Келвин, свежий, улыбающийся, широкоплечий, со словами: «Ну что, ребята, готовы к Большой дороге? А, Большая дорога – завтра? Ну, все перепутал. Ладно, тогда сегодня можно потренироваться, махнуть к Старому замку. Как ты на это смотришь, Остин?»

А Остин, спускающийся вслед за ним, высокий, худой юноша, потирая переносицу, произнес:

– Я на это смотрю, и мне это не то чтобы нравится. Я бы лучше почитал хорошую такую книжку. Такую книжку, которую кое-кто у меня взял на часок пару недель назад.

Маркиза засмеялась.

– Ну прости меня, я тебе сейчас же отдам. Я не смогла осилить и одной главы, вот она и провалялась у меня в комнате.

– А о чем речь? – подал голос Келвин.

– Это же Сарторикс, классик экзистенциализма! – воскликнул Остин. Келвин только хмыкнул. По его мнению, Остин любил все сложное и замудренное, – что, однако, не мешало Остину слыть вполне толковым и практичным в той компании, где он работал.

– Это слишком философская книжка, – пожаловалась Маркиза. Но мне ее жаль отдавать, – я все жду, когда достаточно поумнею, чтобы читать такое.

Однако у Дона Чезаре были другие планы.

– Так, это все здорово – тренироваться, книжки читать, и все прочее. Но сначала надо устроить Большую уборку. Так что поздравляю вас. Быстрый завтрак – и за работу!

– Слушаюсь, сэр! – Келвин сделал под козырек. И, подмигнув Остину и Маркизе, спросил:

– А что, Капитан наш сегодня что-то не в духе. Уж не подгорел ли случайно наш завтрак, а?

Однако он ошибался. Уже через четверть часа завтрак стоял на большом столе в столовой.

С уборкой управились быстро. И в половине двенадцатого дня меньшая часть группы Вескис на двух машинах отправилась встречать свою большую часть, прилетающую из Заозерья.

3

Всего в группе Вескис было двенадцать человек. Все они, кроме Дона Чезаре, были молоды. Самой юной была Маркиза, она пришла в группу всего восемь месяцев назад. Впрочем, самой Маркизе казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как она перешагнула порог подъезда под зеленым козырьком, с зелеными же яркими, сочными деревьями у ворот, чтобы навсегда, как ей думалось, слиться с ароматом ветров, принесенных из дальних путешествий под облаками, и музыкой, слышной тем, кто умеет скользить в волнах заката.

Пройдет много лет, и эти дни она будет считать самыми счастливыми в своей жизни. А сейчас – ей казалось, что весь мир был открыт ей навстречу, он несся со скоростью трассы. И сидя на переднем сиденье, рядом с Келвином, Маркиза вглядывалась в даль, где дорога сливалась с небом, и думала, что самое-то интересное и ждет ее там. Справа и слева проносились поляны и лес, лес и поляны. Изредка попадались маленькие домишки под черепичной крышей, а потом снова начинались березы и сосны. Дороги Маркиза не знала, знала только, что они едут на запад, в район городка Белоцерковска. Через три с половиной часа они остановились перекусить в придорожном кафе.

– Мне, пожалуйста вон тот танцующий сендвич. Нет, нет, этот – не танцующий, он уже устал, видите? Мне вон тот.

Маркиза жевала маленький горячий бутерброд и от души смеялась, слушая байки Келвина, которые он принес со своей работы (он работал инструктором в нескольких спортивных клубах).

Пожилой бармен посмотрел на них и улыбнулся. И два других посетителя, водители-дальнобойщики, чьи запыленные грузовые машины стояли у дороги, улыбались, попивая пиво, и одобрительно глядя на длинноногую красавицу Владеницу, ближайшую подругу Маркизы. Маркиза привыкла уже и не удивлялась хорошему настроению людей при встрече с группой Вескис. То, что потом будет вспоминаться как маленькое чудо, сейчас казалось естественным, – каким и являются чудеса для тех, с кем они происходят.

Они поехали дальше по дороге, из прямой ставшей холмистой, пересекавшей то железнодорожное полотно, то речку. Часа через два Остин, едущий впереди, свернул с трассы на проселочную дорогу, затем – машины снизили скорость, и тихо поехали под склонившимися деревьями, мимо редких домов, в которых, казалось, едва ли теплилась жизнь. Последние домики кончились, а они все ехали, хотя дорога была едва видна. Потом они выехали на поляну, и Маркиза увидела на другом ее конце кромку густого леса. Там что-то блестело, словно солнечный луч пробивался сквозь деревья. Разговоры вдруг как-то смолкли, и в наступившей тишине Маркиза услышала, как призывно зашелестели кроны, словно узнавая и здороваясь. Они неспешно подъехали к лесу, и Маркиза разглядела, что, скрытый деревьями, на краю леса начинался участок, обнесенный забором, а в глубине его виднелся высокий деревянный дом. Остин вышел из машины и подошел к воротам. Он не нажал кнопку звонка и не постучал, – просто поднял руку. Ворота отворились, Остин исчез под деревьями. А затем и машины тихо въехали во двор.

Маркиза вместе со всеми вышла из машины и погрузилась в свежий, ароматный воздух, в котором смешались запахи травы и ветра. Участок был большим и заросшим. Таким же заросшим выглядел и дом, увитый плющом. Он был трехэтажным, высокие деревья закрывали нижние окна. В оконные стекла верхних этажей вставлены были цветные витражи, переливающиеся на солнце. Крышу дома венчала небольшая башенка, на вершине которой сиял золотой диск. Он и блестел издали, привлекая внимание Маркизы.

Они вошли в дом. Внутри было тепло, сухо, пахло деревом. У входа в комнаты их встречал невысокий улыбчивый человек средних лет. Он со всеми, кроме Маркизы, был знаком, поэтому обнимал, хлопал по плечу каждого вновь вошедшего. Маркизе он светло улыбнулся:

– Дайте-ка, дайте-ка, догадаюсь... – Он дотронулся до ее плеча своей шершавой ладонью, – Колокольчик – вот как тебя зовут.

– Правильно, – засмеялась она.

– Я Юрий, – продолжал он, – а еще меня зовут Лесник.

На что Келвин фыркнул:

– Леший он, а не Лесник.

– А я Маркиза.

Лесник не принадлежал к группе Вескис. Когда-то он входил в одну из групп, но затем навсегда поселился в Лесничестве, как называли дом на краю леса. Отсюда вела дорога к озеру Туманному, любимому месту отлета Летающих людей. От Туманного они выходили на Облачный тракт и летели – чаще всего на запад, в Заозерье. Туда и лежал на завтра их путь.

Лесник показал им, где хранится еда, а ужин они готовили сами, как это было принято в Лесничестве.

– Как так можно жить в таких условиях, а, Леший? – сокрушался Дон Пьетро, – Ничего у тебя не найдешь.

– А что тебе нужно-то?

– Ну, соль... Вот где у тебя соль? А, тут... Ну разве так хранят соль? Ой, а что у тебя тут? Сушеные тараканы?

– Фу, какой ты грубый. Это – перец специальный, из Северного Приморья. Мне его привез Мартин.

– Из группы Фераллини? Да, это вещь. Давно мечтал попробовать.

– Не вздумай. Он горький и злой, как... как злая собака.

– Да ну! У меня на родине даже в кашу манную кладут перец. Попробуем... Ну и что в нем...? Ай, где у шебя вода? Вода, вода, вода??

– Слушай, давай его отравим чем-нибудь, – обратился Келвин к Леснику, – Раз и навсегда.

Маркизе нравилось в Лесничестве. Двухэтажный дом внутри оказался большим, состоявшим из множества маленьких комнат. На каждом этаже была большая зала с камином, а внизу – столовая. Стены изнутри были покрыты светлым лаком, – ни обоев, ни картин. За окнами колыхались, шумели деревья, – а тут было тепло, пахло деревом и уютom. Келвин помог Леснику растопить камин, а Остин исчез в глубине дома и, видимо, включил какое-то невидимое устройство, – по дому разлилась спокойная и нежная мелодия.

Маркиза нарезала салат, налила себе соку и подошла к Владенице, сидевшей в глубоком кресле у камина.

– Мы пойдем сегодня встречать Вескис?

– Конечно. Немного стемнеет, и пойдем уже. Наши прилетают к одиннадцати, если ничто их не задержит. Идти примерно полчаса.

– Пьетро такой смешной... Скажи, Владеница, а ты что-нибудь знаешь о Сакире Осава?

– О твоём друге? Немного. Когда я пришла в группу Вескис, Сакира уже был как-то в стороне. Я его пару раз видела на наших больших Фестивалях, его многие знают, из тех, кто долго уже летает. Я с ним не летала ни разу.

– Динь-дон, барышни, ужин готов! – позвал их Остин.

Их уже ждали.

– Так, быстро перекусываем, – и в дорогу! – продолжал командовать дон Пьетро, – А большое застолье устроим потом.

– Не торопи народ, Че, не все же, как ты, наелись уже, – дружелюбно сказал Келвин, и все засмеялись. А Келвин широко улыбнулся:

– Ладно, Че, я же любя. Мы ведь и сами знаем, что надо спешить. И вообще – я уже готов.

– Мы тоже! – присоединилась Маркиза за себя и за Владеницу.

Через пятнадцать минут они вышли в ночь. Стояла тишина, только кузнечики стрекотали в траве. Тихо, тихо шурша, они вышли за калитку и пошли по тропинке, меж травами. Впереди шел Келвин, безошибочно различая в лесу узкую тропку.

Маркизе вспомнился вечер, восемь месяцев назад, – кажется целая жизнь прошла с тех пор! – когда она впервые в жизни шла по такой тропке в лес. Она услышала о Летающих людях от своей однокурсницы. Та рассказывала о них как о чем-то обыденном: есть, мол, такие чудачки, ходят в лес по ночам, песни поют, вроде как не наркоманы, но рассказывают о них всякие небылицы... их называют флаймены, летающие люди. И музыку красивую они сочиняют, только уж очень грустную. Она слышала, понравилось, но слишком печально. Что-то тогда всколыхнулось у Маркизы в душе, интерес какой-то, что ли. А что, если? Она ведь слышала когда-то о летающих людях, словно ей ветер напел у моря. Она стала вспоминать и вспомнила: она же их сочинила. В детстве, глядя на закатное лазоревое небо, Маркиза сочиняла истории о летающих людях.

– И где этот лес?

– Да за городом сразу лес, там озеро в лесу, говорят, их там видели.

Но как решиться пойти одной в лес, ночью? Маркиза могла бы попытаться уговорить своих знакомых, – но никто бы с ней не пошел. Знакомых у нее было много, – и в университетском общежитии, и на работе в бухгалтерии, где ей приходилось подрабатывать, так как в студенческой жизни едва-едва удавалось сводить концы с концами. Но это все были вполне нормальные люди, которым она постеснялась бы рассказать о своих странных желаниях. И все же... Стояла осень. Вечером она возвращалась с занятий и видела белесое, наполненное облаками небо. Облака проплывали вдаль, к иным берегам. Там была другая жизнь, там летающие люди сочиняли свою грустную музыку. А Маркиза оставалась одна. Это было невозможно вынести. И через неделю она решилась.

Она вышла вечером из общежития и на автобусе отправилась в лес. Все ее чувства были обострены. Ей казалось, что все люди, что едут с нею в автобусе, непременно направляются туда же – в лес, на встречу. Особенно молодые люди – эти уж точно летающие. Особенно те, что вышли с нею на последней остановке.

Но в сторону леса она пошла одна. Тропинка вела через поляну в лесную тень. Дойдя до середины тропы, Маркиза остановилась. Из леса веяло сыростью и холодом. Там было темно, одиноко и страшно. Легкий ветерок коснулся трав у ее ног. Маркиза посмотрела в сторону леса и прошептала:

– Пожалуйста... Ну, пожалуйста... Я очень хочу войти, но мне страшно. Пожалуйста, помогите мне.

Она прислушалась. Ей показалось, или она услышала музыку? Как будто где-то зазвенел колокольчик. Она сделала несколько робких шагов и снова прислушалась. Тишина. И вдруг – снова она услышала звон колокольчиков. Холодок пробежал у нее по спине. Ей стало страшно. Она вдруг поняла и ощутила всем своим существом, что стоит перед выбором. Может быть, ей придется идти туда, в лес, в темноту. Звон колокольчиков – это как звонок в дверь. Она позвонила, и теперь, возможно, придется войти. А что будет дальше – неизвестно.

Маркиза оглянулась. Позади оставались огни города, теплые, верные огоньки домов. Она колебалась. И тут у основания тропки, отделявшей ее от города, послышался шорох и замаячили серые тени. Одна, другая. Затем раздался свист.

– Эй, девушка! – подвыпивший мужской голос.

Снова свист.

– Девушк, а девушка!

Страхи Маркизы приняли другое направление. Кажется, она влипла. Полупьяные парни, окраина города... Она с отчаянием поглядела в сторону леса. Травы колыхнулись, и она снова услышала звон колокольчиков. Почему-то пришла мысль: может быть, это третий звонок, и больше не позовут. И уже не оглядываясь, вздохнув поглубже, она рванулась вперед и побежала. Травы шелестели под ногами. В ушах свистел ветер. Она бежала – и вся ее прошлая жизнь оставалась позади. А звуки колокольчика длились и длились, сливаясь в тихую, дивную мелодию.

И потом, после, когда в ее другой жизни случилось все, о чем мечталось и не мечталось: музыка у лесного озера, Дом Вескис, веселый, хотя и немного безалаберный, летающие люди, действительно летающие, ведь это так просто! – когда все это произошло, Маркизе не раз казалось, что это был ответ на ее однажды принятое решение, совершившееся в миг, когда она бежала в темную глубину леса.

4

... Они шли и шли, над ними смыкались кроны деревьев. Их листья иногда касались лица Маркизы. Потом она ухватила краем глаза какое-то голубоватое свечение – сначала отблесками на траве и листьях, затем оно явственно замаячило впереди. Лес расступился, – и перед ней засияло во всей своей ночной красе озеро Туманное. У Маркизы перехватило дух. Сияние исходило изнутри озера. Вокруг озера стояли высокие сосны. Берег напротив сливался во тьме, и озеро казалось огромным и бездонным, как море.

– Что, нравится? – шепотом спросила Владеница.

– Еще бы!

– Маленькое сокровище. Посмотри, в нем отражается звездное небо.

Маркиза, подойдя на несколько шагов, увидела, что тысячи и тысячи звезд мерцают в озере, а голубое сияние окружает их. И тут Летающие люди запели.

Сначала запел Келвин. Потом подхватил Остин и остальные. Они пели, приветствуя Туманное и ночь, и звезды. Они просили благословения для путников, которые должны вот-вот прилететь, и для спящего мира, и для себя, находящихся в ожидании и надежде. Песня лилась под сводами густых сосен, в ней мало было слов, – но она была понятна, проста и целостна. Постепенно мелодия стала стихать, стихать, словно невидимый дирижер сказал им: «Довольно». И раздался шорох: «Они летят!»

Маркиза услышала звон колокольчиков. До нее донеслась музыка – видимо, еще слышная музыка тех, кто летел из глубины ночи, из Заозерья. Она никогда не была в Заозерье, и знала, что это очень далеко. Для перелета нужна гармоничная музыка, в несколько тонов, чтобы все могли удержать ветер. И легкий отголосок, вибрирующий и нежный, показал ей, что они уже близко. Вот вдали, над лесом, мелькнули светлые тени. Маркиза ощутила, как ей стало светло и радостно. Ее коснулось чувство, которое и раньше посещало ее, но сейчас стало особенно осознанным и ясным – чувство узнавания родного, близкого, долгожданного. Она и не думала, что так их ждала! Маркиза закрыла глаза, ощущая, как катятся по щекам слезы. Когда она их открыла, и образы перестали расплываться, она увидела, что где-то посреди озера расположен остров. Там зажглись огни. Много огней! Потом она поняла, что от острова отделились лодки, – их было не менее трех. Медленно, медленно лодки плыли к ним, в голубом сиянии озера. Лодки казались бело-золотыми и были наполнены разноцветными огнями. Когда они подплыли ближе, Маркиза увидела, что у каждого путника, одетого в белую с золотом накидку (их называли «полетки»), был маленький цветной фонарик. Оттуда, из лодок, плыла к ним по воде песня, – и в ответ ей запели встречающие на берегу.

– А ну-ка, наш сюрприз! – воскликнул Келвин. Он раскрыл большую сумку, которую всю дорогу нес с собой. И они, продолжая петь, доставали из сумки маленькие, круглые, заготовленные специально для этого случая, огоньки, живым пламенем играющие внутри стеклянного шара. А мелодия все лилась и лилась, неизбежно соединяя встречающихся и возвращающихся из далекого пути.

*«Я к тебе прилечу с небес
Где же ты? Дай ответ.
Только ты на большой земле
Ты только ждешь меня.
Там, где нет городов и рек –
Нет пути, нет дорог
Там, я верю, горит огонь –
Значит, ты ждешь меня».*

И голоса встречающих отзывались:

*Ты со мной, даже если ты
Через льды и моря
Ты со мной, даже если нет
Отблеска в небесах.
В тишине буду ждать тебя –
Сотни дней, сотни лет.
Я всегда буду ждать тебя –
И не гасить огня.*

5

Примерно в это же время Владислав Натокин, главный советник по вопросам информационной безопасности Департамента общественных отношений, потянулся в черном кожаном кресле и подумал, что неплохо бы выпить крепкого кофе. Он нажал кнопку связи с ресепшн. Там должна была оставаться дежурная секретарша.

– Э-э... Маша, будьте добры кофе, покрепче. Спасибо. – Он всегда был подчеркнуто вежлив с подчиненными сотрудниками.

Владислав посмотрел в темный провал окна и потянулся. Да, поздновато. Но что делать, пришлось выйти на работу в выходной. Владислав вообще любил работать над документами по выходным, когда никто его не дергал. А сегодня вечером он должен еще поработать над докладной по «флайменам». Владислав не очень любил эту тему и не любил вспоминать причины, в силу которых у него была к ней неприязнь. Лично он полагал, что дело о «флайменах» чересчур раздуто. Эту идею он и хотел развить в аналитической записке, которую собирался представить руководству. Впоследствии она ляжет в основу доклада по «флайменам» на грядущей конференции по проблемам тоталитаризма.

Владислав открыл новый файл и начал готовить тезисы:

«Летающие люди», как они себя называют, в принципе, не представляют ни особого вреда, ни пользы. Они не являются выборным электоратом в силу своей полной аполитичности. Они не несут никаких идей, разрушающих общественные устои. В то же время, их поведение заставляет задуматься о возможности использования в их среде (здесь он подчеркнул: *активного* использования) психотропных препаратов для создания различного рода иллюзий».

Владислав задумался. Что-то ему не нравилось в этой его идее, но начатую мысль необходимо было развить. Он продолжал:

«...Иллюзий, в том числе за счет вызываемых состояний физиологического и психологического изменения сознания. По сведениям, полученным из информированных источников, внутри групп господствуют...», – Владислав задумался. Но его привычно «набитая» рука сама выводила дальше: «отношения строгого подчинения лидеру, неукоснительного соблюдения правил и обрядов. В настоящий момент флаймены представляют собой сложившуюся субкультуру, со специфическими формами коммуникаций, системой «паролей», по которым они отделяют «своих» от «чужих», структурной иерархией и системой ценностей. Это все создает потенциальную возможность со временем превращения данных групп...» Владислав снова задумался и вычеркнул «со временем». «...превращения данных групп в тоталитарную секту оккультно-психоделического толка, с отличительной чертой – активным использованием членами групп психотропных препаратов». Вот и все. Владислав перечел еще раз, внес стилистические поправки и закрыл файл. Что-то скребло у него в душе. Он знал, что фактически выносит приговор «флайменам». При одной потенциальной опасности сейчас, в этом городе и в это время, очага тоталитарной напряженности, да к тому же связанного с наркотиками, всех его участников просто сметут. Ему не хотелось думать об этом по некоторым личным причинам. Но он твердо знал: если этого не скажет сейчас он, значит, скажет кто-то другой. А ведь именно он сейчас – наиболее авторитетный специалист по «флайменам». И если руководству необходима информация о «флайменах», только он может представить ее компетентно. В утешение он подумал: это судьба, что тема «флайменов» всплыла именно сейчас. Это, в конце концов, был их собственный выбор... Все равно, когда-нибудь это бы случилось. И сейчас уже поздно, пора домой. Пора домой, и все.

Владислав Натокин выключил компьютер, встал и аккуратно сложил документы в свой любимый черный кейс с окантовкой из дорогого американского металла.

6

По светящимся дорожкам, расходящимся от разноцветных огней, подплывали лодки. Они тихо причаливали к берегу. Музыка смолкла. И тогда Келвин сказал (тихо, но его слова легко разнеслись по воде):

– Мир вам, несущие нам свет от далеких звезд!

А звонкий голос (Маркиза узнала голос Вескис) откуда-то из глубины лодки произнес слова вечного приветствия Летающих людей, которые когда-нибудь так мечтала сказать и Маркиза:

– Мир вам, хранящие свет и тепло Земли!

– И согревающие нам ужин! – добавил еще один веселый голос, в котором Маркиза узнала лучшего друга Келвина – Трико. – Надеюсь, на этот раз вы успели приготовить нам еду, или Чезаре опять пересолил наш ужин?

– Нет, в этот раз он просто съел весь перец Лесника! – сказала Владеница. Все засмеялись, и значительность момента рассеялась.

Группа Вескис прилетела.

Несколько минут спустя, когда все уже обнялись и поприветствовали друг друга, и уже шли под густыми кронами обратно, в домик Лесника, Маркиза оглянулась.

Озеро Туманное затерялось среди леса, но отблески голубого сияния еще мерцали в траве. «Вот такой же голубой свет был у того озера, другого, в лесу восемь месяцев назад», – подумала Маркиза. – «Как свет морской волны или лунный путь. Как обещание». И она явственно увидела блики голубого света на лицах своих друзей, вернувшихся с небес.

Дом Лесника встретил теплом и ароматом дерева. Через полчаса ужин был на столе, все переоделись, и по случаю встречи разлили в бокалы рубиновое домашнее вино Лесника. На одном конце стола сидела счастливая Владеница рядом со своим любимым Владом, прилетевшем вместе с Вескис. Они поженились недавно, в конце весны. Маркиза видела ее оживленное лицо и его ответную улыбку, видела, как эти двое существовали среди друзей – но словно вдали от всех, только вдвоем. На другом конце обсуждался полет.

– Жуткие уэслеры! – делился впечатлениями Трико. И его сосед, невозмутимый Грегори, черноволосый молодой человек в очках, вторил:

– Да уж, уэслеры были активны, как никогда.

– Потрепали вас? – сочувственно спросил Келвин.

– Кошмар, ужас! – радостно восклицал Трико. – Волна за волной шли на нас. Вескис прямо на ходу курс меняла. Один раз я думал – все, мелодия теряется, строй разлетается...

– Надо было меньше отрываться от строя! – вздернула брови лучшая подруга Вескис, которую за английскую ее красоту называли иногда мисс Вэлли, а иногда – Волшебницей. Она сидела слева от пустующего пока места Вескис в центре стола. Сама Вескис еще не пришла.

– А что, ты опять отрывался от строя? – строго спросил Дон Пьетро, не забывший воспоминания о пересоленном ужине.

– Да было немного, – чуть смущенно улыбнулся Трико. Но тут же спохватился: – Но я же не могу все время в одном тоне лететь! Я – импровизатор, ты же знаешь!

– Вот за такую импровизацию в группе Фераллини тебе бы сначала прочистили мозги, а потом вовсе отстранили от полетов! – нравоучительно сказал Дон Пьетро.

– Да уж, – усмехнулся Грегори, летавший несколько раз с группой Фераллини, – у Фераллини не забалуешь.

– А что, – спросила Маркиза, – разве в группе Фераллини все летят в одном тоне?

– И на одной ноте, заметь! – сказал Грегори. – Я с ними летал как-то. И снова усмехнулся. – Мне говорят сначала: «Все, без проблем, сейчас легко долетим, ты только держись строя». А потом как волны пошли от уэслеров, Фераллини говорит: «Все, снижаемся, сегодня никуда не летим, потому что один тон не удержать при волне».

– М-да, – почесал затылок Келвин. – Я бы так летать не смог.

– Да ладно, ребята, – примирительно вступил Лесник, – Все знают, что у вас лучшая группа. У Фераллини дисциплина железная...

– Но кроме Вескис никто не может держать симфонию и лететь через волны к звездам, – dokonчила мисс Вэлли.

– Это точно, – подтвердил один из самых опытных Летающих людей Фрэнк, сидящий справа от места Вескис. – Кстати, а где Вескис?

– Кис, ты где? – обратилась Вэлли вглубь дома. И оттуда донеслось:

– Да, уже иду.

И легкой походкой в зал вошла Вескис Ламарт, лидер группы. Ничего особо примечательного, на первый взгляд, в ней не было, – разве что необыкновенно густые темные волосы и гибкие, тонкие кисти рук отличали ее. Вескис нельзя сравнить было, конечно, с черноволосой красавицей Владеницей, мимо которой спокойно пройти мог редкий представитель Летающего и нелетающего населения мужского пола. В группе Вескис вообще собрались красивые летающие люди, очень даже красивые. Но глядя сейчас на Вескис, Маркиза любовалась ею. Она видела в ней легкость и решимость, те качества, что присущи людям, знающим, зачем они живут, и куда направляются. Она была молода, хотя возраст Вескис определить было трудно. Лицо ее было чистым и ясным – словно небо обточило его, как обтачивает море попадающие в него камешки. Впрочем, если бы Маркиза была чуть старше, она бы, быть может, решила, что все свойства Вескис были следствием одного: она была Мастером, чувствующим музыку и ритм полета непревзойденно, и имела все необходимые для этого качества. И ничего лишнего.

– О чем здесь уже говорили? – спросила Вескис, беря бутерброд.

– Говорили о том, что ты лучше всех знаешь дорогу к звездам, – сказал Фрэнк.

– К счастью, это не так, – сказала Вескис, улыбнувшись, – Дорогу к звездам я не знаю. Хотя... может быть, скоро придет время, – и нам она понадобится.

– А что, есть какие-то симптомы? – спросил Остин.

За столом смолкли. Маркиза ощутила, как холодок тревоги коснулся ее души. Нельзя долететь до звезд, – подумала она, – Можно до неба, а сквозь небеса, к звездам,

– невозможно...

Но Вескис подняла брови и рассмеялась.

– Ты же знаешь, Остин, всегда есть повод задуматься о том, что нас ожидает за поворотом. Но наше будущее мы скоро узнаем. За тем и летим в Заозерье.

– А, так вот зачем мы летим! – обрадовался Трико. И за столом снова завязался разговор.

Маркиза оглянулась. Владеница уже сидела без Влада, который пошел общаться к Грегори и Леснику.

– Влади, мне что-то как-то тревожно, – обратилась к Владенице Маркиза.

– Да? – оглянулась та лучезарным, счастливым взглядом.

– Влади, мне отчего-то стало тревожно, когда они заговорили о звездах, – сказала Маркиза.

– Не бойся, Малыш, – мягко сказала Владеница. – Пока все хорошо. А что случится, то случится, верно ведь?

– А при чем здесь дорога к звездам, Влади?

Владеница молча смотрела на хрустальные переливы в своем бокале. Видно, она подбирала слова. Потом сказала:

– Понимаешь, Малыш, до звезд долететь нельзя. Но есть одно небесное тело, к которому путь бывает открыт. Это звезда Онтарио.

Маркиза вспомнила. Вернее, у нее появилось чувство, что она касается сейчас чего-то знакомого, но забытого когда-то. И вот чуть-чуть – и она вспомнит...

– Звезда Онтарио, – продолжала Владеница, – неизвестно, может, это и не звезда вовсе. Но Летающие люди всегда были связаны с ее заходом и восходом. Их будущее зависит от нее.

Она посмотрела на встревоженное выражение лица Маркизы и улыбнулась:

– Но ты не бери сейчас это в голову, Малыш. Завтра тебе лететь в свою первую большую дорогу, – это самое важное.

Владеница слегка сжала Маркизе руку и обратилась в сторону зовущего ее мужа:

– Да, Влад, я иду.

Тем временем музыка в зале стала тише. Кто-то принес гитару. Маркиза налила себе сок и замерла в предвкушении. Летающие люди стали петь.

Как она любила эти песни! Они рождались на земле, но были продолжением жизни в небе. В них Летающие люди вплетали свои мелодии, пойманные в полете. На каждый случай была у них песня: были песни-ожидания и песни-встречи, песни о быстрых ветрах и о мечтах, которые никогда не сбываются, песни благословения и песни о разлуке. Были песни, которые поются самым близким и любимым, и песни для большой компании.

Сейчас настрой был веселый. Трико сообщил, что будет новая песня, и взял гитару. Ему подпевали Келвин и Остин (видно, они подготовились заранее). Под звонкий перебор он весело пел о своей неудавшейся жизни и постоянных неприятностях, а также о мечте совершить что-нибудь великое и несуразное, например, украсть русскую девушку и русскую тройку с санями. Маркиза запомнила припев, ибо он был очень театрален.

О если б только раз – взлетели в небо сани!

О если б раз – хватило бы огня!

И чтобы Вескис изумленными глазами,

Забыв про всех, глядела на меня!

При этом он драматично вставал на одно колено напротив места, где сидела Вескис. Та смеялась, отмахивалась и пыталась «перевести стрелки» на сидевшую через два стула от нее еще одну девушку, белокурую Елену:

– Вот русская девушка, Трико!

Но Трико упрямо мотал пышной курчавой шевелюрой и пел свое.

Маркиза улыбалась. Она легко могла представить себе Вескис в полете, Вескис задумчивую, решающую проблемы, Вескис радостную или печальную, но никогда – Вескис, влюбленную в мужчину. Да и Трико просто дурачится. На самом деле, – кто же не знает? – Ему нравится Велли. Но Велли многим нравится. А особенно – молодому, красивому и умному англичанину по имени Алан из группы Доминика Роше. Они с Аланом говорят на одном языке. Поэтому вряд ли Трико что-либо светит. Но может быть, ему вообще нравятся все симпатичные девушки, – вот и на нее он поглядывает то и дело, когда поет свои песни. Но ей пока тоже нравятся все, и никто – особенно. Ей нравится летать.

Маркиза засыпала. Песни стали более спокойными, грустными, тихими. Она уносились вдаль, навстречу завтра.

Когда она проснулась с мыслью, что надо бы встать и отправиться в постель, то обнаружила, что приглушенный свет горит, хотя все уже разошлись. Стол убран (спасибо Елене с Велли), посуда вымыта. Кто-то заботливо подложил ей под руку подушку и укрыл пледом. Видно, тревожить ее не решились. Ей было уютно и не хотелось уходить. А невдалеке, возле большой лампы, устроились Вескис с Лесником.

– Так ты считаешь, что Онтарио... пришло время взойти? – спрашивал Лесник.

– Не знаю, Юрий, не знаю... Есть на то знаки, явные и... косвенные.. Например, раньше музыку можно было слышать везде, почти везде. Когда все началось, помнишь, мы могли почти с любого места долететь до Заозерья. А теперь – не так. Теперь к Заозерью можно выйти только с Туманного, ну, может, еще от Селигера. И уэслеры проявляют все большую активность, все труднее держать курс. Ну, ты сам знаешь.

– Ну да...

– А еще – призвание. Вескис сделала паузу.

– А что призвание?

Вескис оглянулась на Маркизу, которая еще не решила, засыпать ей или просыпаться.

Но уходить теперь было уже неудобно.

– За последний год, – Вескис понизила голос, – к нам пришла только Маркиза. – Она улыбнулась. – Колокольчик. Призваний мало. Но они все весомые, все значимые, очень значимые. Каждое призвание полно своего значения, так было всегда.

Она помедлила.

– Я вот только не могу понять, почему – колокольчик. Честно говоря, мы ждали совсем другого звука. Чтобы завершить строй, нам нужен еще один звук, низкий такой, знаешь, баритон. – Она сделала знак рукой, будто играет на кларнете: – Бум-м-м. – и беззвучно рассмеялась. – А к нам приходит – колокольчик. Причем явно к нам, явно это что-то значит. Но почему колокольчик? – не знаю.

– Может, и задумываться над этим не стоит?

– Не знаю. Может, ты и прав. Как говорили на моей забытой Родине – ваше счастье, что вам не дано знать времена и сроки. Да и смысл прежде времени – тоже.

– На моей это тоже говорят, – улыбнулся Юрий. И помолчав спросил:

– Тяжело тебе... без своих?

– Я стараюсь не думать об этом, – тон Вескис стал сразу серьезен, она встряхнула головой, как бы отгоняя лишнее. – Сейчас путь ясен... почти ясен. Нельзя останавливаться. И прошлое нужно принять, как есть... – так я себе говорю, – тихо добавила она.

– Может, кто-то еще остался? – так же тихо спросил Лесник.

– Едва ли... После Большой катастрофы я знаю троих, кто уцелел. Первая – это я. Второй – Одери, ты знаешь. Был еще третий... – она махнула рукой. – Больше никого.

Маркиза задумалась. Большая катастрофа... Какой-то отзвук в памяти подсказывал ей, что она слышала уже о Большой катастрофе – давно, не менее десяти лет назад, в другое время и в другой стране. Она решила обязательно узнать об этом побольше, когда вернется домой.

– Ладно, Леший, пора уже спать. – Они обменялись прощальными жестами Летающих людей: благословляющий знак и легкий поклон. Все, свет погашен.

Маркиза тихо поднялась в теплой темноте и побрела искать свою спальню. Дом погрузился в сон. И только от золотого диска на вершине дома исходило тихое сияние: свет маяка, свет надежды для Летающих путников в ночи.

Заметки на полях

Мне рассказывал Роже Давид, как он впервые увидел Вескис. Это было на одном из фестивалей Летающих людей. Роже было под сорок лет, по профессии он был журналист-международник. Объездил пол-мира. И к новым людям привык относиться скептически.

На фестивале было много народу. И где-то на площадке кучковалась небольшая группа молодых людей. Это и была группа Вескис. Роже не знал, знакомиться или нет. Он подошел, присмотрелся. Они болтали, шутили. Особенно выделялся один, очень живой, смуглый парень с курчавыми волосами.

Вескис Рене выделил не сразу. Она стояла в этой группе так незаметно, что было и непонятно, что это – знаменитая Вескис из Синегорши. Так, скромненько стояла себе, улыбалась чему-то. Роже это было любопытно, потому что из известных лидеров он знал Фераллини, – так по тому сразу было видно, что это не кто-нибудь, а Большой Франческо. Он еще подумал: «И чего они в ней нашли-то?» А потом эта группа оживилась, потому что к ним приблизился высокий, широкоплечий парень.

– О, Келвин! – воскликнул черноволосый.

И тут Вескис вдруг пропала. И вдруг – раз! – и объявилась – рядом с новопришедшим, чуть склонившись, глядя на него снизу вверх. В ее густых волосах играло солнце.

Все засмеялись. А Роже аж присвистнул. Он так не мог. И вообще – вряд ли кто мог. Теперь он любовался солнцем в ее волосах и думал: «А она чертовски хорошо летает, наверно!» С этого мига он переменял свое мнение о Вескис и мечтал познакомиться с ней.

7

Утро выдалось росистым и туманным. Дон Пьетро взял бразды правления в свои руки, то есть в семь утра вся женская часть группы Вескис дружно готовила завтрак.

– Так, Вескис, пожалуйста, иди спать, не лезь в эту работу. Тебе курс держать, тебе надо выспаться, – тон Пьетро Чезаре был по-отечески безапелляционен.

– Че, успокойся, – улыбалась Вескис. – Мне... надо разогреться. «Чух, чух, чух» – она делала вращательные и плавные движения кистями рук и, напевая легкую мелодию, выжимала апельсиновый сок.

Маркизе было хорошо, но какая-то шербинка не давала ей расслабиться. Она сосредоточилась на этом ощущении и поняла, что не может выкинуть из головы вчерашний подслушанный разговор. Онтарио восходит... Вескис появилась в стране после Большой катастрофы... Все это нужно было осмыслить, а времени не было. Сегодня они летят.

Сегодня они летят! Впервые в такую большую дорогу Маркиза отправляется со своей группой. Что будет, что будет... Маркиза не думала о том, что их ожидает в таинственном Заозерье, ее тревога не могла зайти так далеко. Ей бы дорогу пережить... Маркиза с ожесточением терла сыр, пытаясь отогнать тревожное чувство.

Как будто уловив ее состояние, к ней подошла Владеница.

– Сегодня – в первый большой полет? – участливо спросила она.

– Угу.

– Не бойся, Малыш. Ты справишься. Если вдруг станет страшно, – я буду рядом. Берись за руку и тяни, – полетим вместе.

– Да, не бойся, – это уже присоединился Келвин, вышедший на кухню, видимо, после зарядки, с большим полотенцем на шее, – главное, строя держись. И не смотри на Трико. Даже лучше держись от него подальше.

– А что сразу – Трико? – возмутился тот, неизвестно откуда взявшийся. – Я, между прочим, всегда строю следую... Я часто импровизирую, но это потому, что всегда чувствую строй!

Мисс Вэлли фыркнула, выражая свое отношение к импровизациям Трико, а Кэлвин примиряюще сказал:

– Ладно, ладно, я же ничего не имею против. – И зажимая ладонью рот, сказал трагическим шепотом Маркизе:

– Все же держись от него подальше.

– Хорошо, хорошо, – тихо смеясь, кивала Маркиза.

Подходили остальные. Белокурая Елена, лучезарно улыбаясь, пригласила всех к столу.

После легкого завтрака быстро собирались в дорогу. У Маркизы возникло ощущение, будто завелась невидимая пружина, которая тянет Летающих людей прочь из дома. Уложив вещи, она подошла к Дону Пьетро:

– Че, выдай мне мою полетку, пожалуйста.

– А-а, – протянул тот, – Пойдем.

Он привел Маркизу в маленькую комнату без окон, в которой никто не жил. Она вся была заставлена резными шкапами. Пьетро открыл один из них, и взору Маркизы открылись аккуратно сложенные полетки разных цветов. Под ними на полках латинскими буквами выбиты были названия групп: «Ferallini» – группа Фераллини, «Skachovsky» – группа Скачовски, и так дальше. Обычно группы назывались по имени их лидера, хотя были и группы с собственным названием: «Viktoria», «Desperados».

Полетки нужны были Летающим людям, чтобы в небе распознавать друг друга. Поэтому отправляясь в далекий полет, каждая группа одевала накидки своего цвета. Изготавливались они из легкой, но прочной ткани, сзади были длинны как мантия, а спереди коротки, чтобы не стеснять движений.

– Ой, можно посмотреть? – Маркиза раскрыла алую полетку группы Де Ротти, и мягкая ткань зашелестела под ее руками. Вот Фераллини – изумрудная, с серебристой змеей; вот желтая и радостная, как солнце – группы «Виктория».

– Тебе с рукавами или без? – спросил Дон Пьетро, деловито доставая из другого шкафа полетки группы Вескис: кремово-белого цвета, с золотой оторочкой и широким золотым овалом, вытисненным по всей длине накидки.

– Жилетку лучше, – ответила Маркиза. Она свернула все полетки и положила их на место. – Какая же красивая наша полетка! – восхитилась она, разглядывая бело-золотую ткань полетки, которую протянул ей Дон Пьетро.

– Многие хотели бы иметь белый цвет, – с гордостью сказал Дон Пьетро. – Но он есть только у группы Вескис. Белый и золотой.

– А почему никому больше не дали? – удивилась Маркиза.

– Белый и золотой – цвета Синегории, – сказал Дон Пьетро. И добавил, глядя на удивленное лицо Маркизы: – Это родина Вескис.

– Никогда не слышала...

– Синегория – скрытая страна, – ответил Дон Пьетро. – Как Заозерье. Как Джорджия. Как наше небо. Все, все, все, – сказал он, посмотрев на часы, – торопись, одевайся. Нам пора.

– Подожди, подожди, Пьетро, скажи, что значит круг? – не успокаивалась Маркиза, застегивая полетку.

– Это не круг, – слегка улыбнулся Дон Пьетро, – это «О», «Онтарио». Летающие люди должны знать такие вещи. Летающие люди должны помнить, зачем они здесь.

– А... – начала Маркиза, но тут же закрыла рот, так как Дон Пьетро уже стремительно умчался.

Когда Маркиза вышла из своей комнаты с дорожной сумкой, оказалось, что все, в золотисто-белых полетках, уже готовые к дороге, сидят в гостиной. Все ждали, когда Вескис даст сигнал. А Вескис сидела на маленькой кушетке, ни на кого не глядя, лишь улыбаясь в ответ на то, что ей говорила тихо мисс Велли, словно прислушивалась к чему-то внутри себя. Наконец она встала, слегка подняла руку ладонью вверх, и стало тихо.

«Какие длинные у Вескис пальцы!» – мельком подумала Маркиза.

– Летим? – Вескис улыбалась.

– Куда? – спросил Трико, и все засмеялись.

– Летим, – сказала Вескис утвердительно. Она продолжала:

– Распределяемся так: в первой тройке – я, Велли, Френк. Велли – справа. Вторая тройка – Пьетро, Елена, Грегори. Справа – Пьетро, – Вескис делала паузы, словно вымеряя каждое свое решение и глядя в глаза тому, о ком говорила.

– Так, затем летит четверка: слева – Влад, затем – Владеница, Маркиза и Келвин. Последними замыкают строй справа – Остин, слева, – она сделала приглашающий жест, – Трико.

– Спасибо за доверие, – откланялся Трико.

– Пожалуйста. Все, теперь давайте помолчим.

Несколько минут царило молчание. Маркиза услышала, как скрипнули доски пола где-то в на кухне, как коснулся ветер ветки вишни за окном, и та покачнулась, кивая Маркизе: летите, летите... Потом Маркиза перевела глаза на своих друзей. Их лица были сосредоточены. Многие стояли с закрытыми глазами, а губы Вескис беззвучно шевелились. Тогда Маркиза тоже попыталась сосредоточиться. Она вздохнула глубоко, – и вдруг на миг ей стало грустно отчего-то: может быть, оттого что нужно было покинуть дом, а может, еще почему... «Предчувствие одиночества», – почему-то подумалось ей. Но тут Вескис сделала медленный знак рукой и тихо сказала:

– Идемте.

И сразу все прошло.

Оставалось надеть дорожную сумку и пристегнуть ее к поясу полетки.

И опять они шли вдоль трав, только сияло солнце, отражаясь в капельках росы, и обещало такой ясный, такой душистый, манящий день. И дорога показалась Маркизе гораздо короче, чем вечером. И птицы пели.

– Влади, что, слева лететь труднее, чем справа от строя? – спросила Маркиза.

– Сейчас – труднее. Солнце, видишь, западнее нашего пути, – Владеница указала на небо, – а с востока будут идти волны. Там – уэслеры.

Маркиза понимающе кивнула.

– А у Трико – самое сложное место, – продолжала Владеница. И засмеялась:

– Вескис хочет приучить его к дисциплине.

Они вышли к Туманному. Лодки, слегка покачиваясь, стояли у берега, привязанные к стволам нависавших над ними деревьев. Фонарики сиротливо свисали вдоль бортов. Маркиза подумала, как часто она встречала цветные фонарики у Летающих людей дома. Иные из них были настоящими произведениями искусства, с отделкой из черного серебра и цветных камней. Но и самые драгоценные из них были всего лишь напоминанием и подобием этих, простых лодочных фонарей, неизменного атрибута встреч и возвращений Летающих людей.

Провожать их вышел Леший, и теперь он обнимал всех, прощаясь.

– Держись, Колокольчик, – сказал он Маркизе, – ты легкая, ветер легко тебя поднимет.

– Да, другим сложнее, – улыбался Френк, шлепая Келвина по мускулисту турсу.

– Спасибо тебе, Лесник, – откликнулась она, – мне было очень хорошо у тебя. Очень теплый дом.

Потом посмотрела ему в глаза и добавила:

– Мы еще летаем с тобой, да?

– Да-а-а, – он обнимал ее и улыбался, – Все, легкого ветра и добрых ангелов в пути.

– И не гаси огня, – ответила Маркиза прощальной фразой.

Все садились в лодки. Последней с Лесником прощалась Вескис.

– Буду вас ждать на этом же месте, – в тоне его скрываемая озабоченность. –

Если что, какие новости...

– Ты узнаешь о них первым, – тихо сказала она. И улыбнулась: – Не гаси огней.

Вескис поцеловала Лесника, села в лодку, и они отчалили. Всю дорогу Маркиза глядела в переливающуюся за бортом воду и думала, что вот еще немного, и устойчивая почва уйдет из-под ног, и сама она окажется там, где есть только небо и музыка. Мир изменится. А между тем они менее, чем через треть часа подошли к островку, с которого предстояло взлететь. Они вышли. Ребята крепко привязали лодки, и Келвин, специалист по части крепких узлов, проверил их прочность, сделав Трико внушение за некрепко привязанную лодку (при этом, когда оказалось, что узел Грегори еще слабее, Келвин лишь перевязал его, несмотря на все красноречивое молчание Трико).

Потом они нырнули под кроны деревьев и по тропке вышли на поляну, достаточно широкую, чтобы с нее начинать взлет.

Вескис подняла руку. Все смолкли и быстро, без команды, выстроились в порядке строя. Вескис повернулась к небу и стояла, вымеряя курс. Потом тихо, тихо полилась мелодия, быстро подхваченная Летающими людьми, так что уже и непонятно было, кто первый запел.

Когда ты в общем строю, запеть легко. Маркиза запела вместе с остальными. Музыка постепенно охватывала ее, вся природа начинала петь в такт с Летающими людьми. Легкий ветер коснулся ее лица. Музыка постепенно раздувала ветер, как ветер раздувает пламя костра. Звуки становились сильнее, и ветер крепчал. Наконец Маркиза услышала, что поет в голос, в полный голос, а ветер уже раздувает ее волосы, поднимает руки, зовет. Передний ряд качнулся, Маркиза оттолкнулась от земли – и полетела. А музыка поднимала ее выше и вдаль. И уже можно было не петь, – мелодия звучала внутри, сама.

Сначала они сделали круг над озером, и Маркиза увидела золотой шпиль дома Лесника, мелькнувший среди зеленых деревьев. Затем они стали подниматься все выше и выше, и стало холодно. И тогда, как ее учили, Маркиза сосредоточилась на звуке, на мелодии. Музыка должна была оградить ее в пути и от холода, и от ветра, и от всего дурного, что могло повстречаться.

К тому же, строй согревал, потому что и справа и слева она ощущала энергию мелодии своих друзей.

Мелодия быластройной и ясной, как полет. Линии полета следовали музыке, а она, в свою очередь, продолжала движение полета. Она была наполнена стремлением вдаль, туда, где облака смыкались с лазерным бликом солнца, и воздвигали воздушные замки, горы и ущелья огромной красоты. Однажды Маркиза загляделась на эти замки, и едва не остановилась, ее мелодия стала гаснуть. И она вздрогнула, когда совсем рядом услышала низкий, ясный звук, подтолкнувший ее – это Остин сзади напомнил, что надо держаться строя.

Впереди Маркиза видела развивающиеся под небом волосы Елены. Солнце всегда украшало Летающих людей в удивительные по красоте уборы. Маркизе показалось, что она слышит и такую же золотистую, звонкую песню Елены, чуть похожую на ее собственную. Слева же она ощущала дивную, слаженную энергетику, исходящую от Владеницы и Влада. Справа – справа был Келвин, а значит – уверенность и безопасность. В его мелодии Маркиза могла купаться, она была широка, как река, и полноводна.

Так они летели. Проходило время, – Маркиза не знала, сколько времени прошло, но почувствовала, что скоро они прилетят. Они поворачивали. Вплетались новые тона в мелодию, особенно часто они возникали где-то слева. Маркиза подумала, что там летит Трико и, стало быть, импровизирует. Но эти тона легко подходили к общей песне, и не ломали строя. А потом, она почувствовала, мелодия стала меняться. Ровное прежде движение полета стало несколько скачкообразным. У Маркизы стало возникать ощущение, что она прыгает на больших волнах, такой стала мелодия и таким же – полет. Цвета вокруг стали тоже меняться. Где-то впереди, слева, приближаясь к траектории их полета, замечались лиловые тени. Маркиза увидела, как расступаются воздушные замки, и темные кляксы взбухают меж ними.

«Уэслеры», – похолодело у нее внутри.

Тут же она почувствовала, как Келвин взял ее за руку. Она услышала мощную его мелодию, сильную и чистую. Другую руку Маркиза протянула Владенице. Общий звук слился в строю в такую сильную песню, исполненную вызова и стремления, что колебания прекратились. Они полетели быстро, очень быстро, и Маркиза увидела, как лиловые тени взметнулись под ветром – все ближе, ближе... Она держала руку Келвина изо всех сил и пела. И они пролетели справа от темно-бурого, распахнутого им навстречу нечто, которое Маркиза на миг ощутила на себе: движение в этом месте останавливалось, все замирало и цепенело, как в замедленной съемке. У Маркизы сдавило в ушах, – и все кончилось. Они успели пролететь мимо, не войдя в зону действия уэслеров, лишь слегка задев их поле. Но этого оказалось для Маркизы достаточно: от ужаса, сковавшего все ее тело, мелодия рассыпалась, Маркиза чувствовала, что гаснет. Нет у нее сил, чтобы петь, она чувствовала, что еще держится в строю, но из последних сил. Она останавливалась, она снижалась... Келвин еще крепче схватил ее за руку. Маркиза ощутила, как волна звука накрывает ее. Ей стало хорошо, тепло. Мелодия держала ее, – надо только не расслабляться и сосредоточиться на ней, – все будет хорошо... Потом она почувствовала, что Келвин тянет ее куда-то, отпустила Владеницу – и полетела рядом с Грегори и Еленой. Теперь они подхватили ее. Их мелодия была более легкой, высокой, как весенняя трель, и Маркизе было легче попасть в тон. Потом она увидела, как обернулась к ней Вескис, и протянула руку. Маркиза протянула в ответ свою, и они полетели рядом.

Здесь, впереди, гулял ветер. Розовые облака под ними, облака вокруг – и бесконечный простор вдаль. А главное – Маркиза услышала песню Вескис.

В песню Вескис легко было войти Маркизе, потому что она была легка для полета. Казалось (а может, так и было), само Небо пело с ней, потому что песня эта была ему родной. Как долг путь, подумала Маркиза, и все уходит, все пройдет... только Небо, отрешенное и ясное, сохраняет память о мирах, проплывающих под ним. Их дни быстротечны, они пройдут, как морская рябь. Но будет в них то, что Небу забыть невозможно... И держась за руку Вескис,

она слышала что-то особое, глубоко личное, в самом сердце ее песни. Что-то о забытом доме, о других берегах, которые невозможно ни встретить, ни вернуть... То, о чем можно поведать только Небу. И отчего-то Маркиза подумала, что все, кого Вескис любила, уже не увидятся с ней, а умение так летать куплено дорогой ценой. Колокольчик в душе Маркизы зазвенел.

– Ты что, Малыш? – улыбнулась ей Вескис.

– Все хорошо, – сказала Маркиза. Слезы стали застилать ей глаза, и она не увидела, как зачернела перед ними полоска земли, как отразились их тени в хрустальной глади таинственного озера в сердце леса. Тихо, тихо мелодия смолкала. Они снижались.

8

Они опустились на площадку, по размерам не больше той, откуда несколько часов назад взлетели. Несколько минут все в них еще пело, тихо, как бы привыкая к новому месту, и внося его в свою песню. Потом мелодия сама остановилась.

Уже вечерело. Воздух был благоуханен и свеж. Природа была другой, – Маркиза не могла это объяснить, но почувствовала, что и сосны вокруг нее, травы, и воздух здесь другие. «Как будто моложе», – почему-то подумала она. Несмотря на огромную усталость, навалившуюся на нее, Маркиза была поражена переменой – то ли внутренней, то ли внешней: ее чувства словно посвежели, обострились. Она сильно ощущала сосновый аромат, прикосновение воздуха к щеке. Слух ее также обострился, голова закружилась. Френк, стоящий рядом, обнял ее:

– Держись, Колокольчик. Это очень трудно с непривычки.

– Какое странное место! – прошептала Маркиза, – Удивительное место!

– Да, место удивительное, – подхватил Френк, – Ты его не найдешь ни на одной карте. Не доберешься сюда ни на каком вездеходе. Закрытое место.

– А как же можно добраться?

– А вот только по Облачному тракту, – отозвалась Вэлли.

Они потихоньку продвигались вслед за Вескис: сначала по узкой тропке, затем – по деревянному мостику через ручей (видимо, он вел к озеру, мимо которого они пролетали). Тропка повела их вверх, вдоль ручья. В дороге Летающие люди больше молчали: не принято было сразу после полета обсуждать его. А Маркиза, вглядываясь в свои ощущения, вдруг обнаружила, что ее прошлое – совсем недавнее, не более нескольких часов назад, – вдруг отодвинулось далеко-далеко, и представлялось отсюда, из этого странного места, каким-то блеклым и нереальным.

– Еще долго идти? – спросила она.

– Да уже пришли, – откликнулся Френк.

И правда, пришли. Темный двухэтажный бревенчатый дом показался сквозь сосны. Он стоял на небольшой, очищенной от леса площадке, ничем не огороженный. «Да и от кого? – подумала Маркиза, – сюда ведь могут добраться только свои». От этой мысли ей стало уютно. Захотелось представить себя частью этого странного места, созданного только для Летающих людей, стало быть, для таких, как она. И тут же она ощутила внутренний ответ: это место не принадлежит никому: ни ей, ни кому-либо другому. Сейчас сюда могут прийти Летающие люди, но только на время. Только на время... Маркиза благоговейно затушила дальнейшие рассуждения на эту тему, тем более, что дом был уже совсем рядом.

На пороге Френк задержал Маркизу. Его глаза блеснули:

– Отойдем-ка!

Они обошли дом. Френк встал лицом к лесу, сделал Маркизе знак молчать и спросил:

– Чувствуешь?

Маркиза прислушалась. Здесь почти не слышно было, как заходят в дом ее друзья. Здесь была тишина... не совсем тишина. Она прислушалась, и глаза ее округлились:

– Музыка?

– Ну да. Здесь она везде.

Тихо, тихо вокруг нее шелестели звуки, складывающиеся в мелодию. Она расстилалась в траве, поднималась под кронами сосен, листья вторили ей, ветер звенел... сами запахи придавали полноту и свежесть звуку. И в ответ запела тихонько струна Маркизы.

– И я пою, – улыбнулась она. Их с лесом мелодия полетела мимо трав, кустов, деревьев, поднимаясь выше и выше. Вдаль, к небу. Маркизе ужасно захотелось подняться за ней. Но Френк сказал.

– Тш-ш. Не сейчас.

И добавил:

– Здесь лучшее место на свете, чтобы учиться полету. А теперь пойдем в дом.

Там уже готовили еду. Параллельно Летающие люди уже обсуждали полет, и разговор становился все оживленнее. Конечно, центральным событием полета была встреча с «уэслерами».

– Лихо мы курс вырулили, а? – радовался Трико.

– Да, это было круто. Ты как себя чувствовал на «хвосте»? – обратился к Трико Келвин.

– Я, честно сказать, на минуту подумал, что все... вы останетесь без «хвоста».

– У нас абсолютно геройский «хвост», – Вескис, смеясь, слегка трепала Трико по пушистым волосам. – В тяжелую минуту он думает не о себе, а о том, как мы без него пропадем. И нам пришлось выруливать, не оставляя же тебя уэслерам!

– Я давно их не видела так близко, – вступила Велли, – страшные, лиловые... И между прочим, у нас еще один герой – Маркиза!

– Правда, правда... – зашумели все.

– Ой, вы что! – затушевалась Маркиза. Ей казалось, что она себя проявила ужасно, половину полета провисела на шее у друзей.

– Колокольчик, – сказал торжественно Остин, – дай я пожму твою лапу. И с поклоном подал ей руку.

– Да вы же меня тащили почти весь полет! – улыбалась Маркиза.

– Весь полет тащили в первый раз меня, – сказал Келвин. Все засмеялись, видимо, вспоминая, как это было. И Маркиза услышала, как Келвин и Остин, едва научившись летать, на свой страх и риск решили рвануть в Заозерье. Они даже вышли на Облачный тракт. Но направление они, естественно, перепутали, и долго летели на юг, в сторону Суховея. Случайно там же оказалась и группа Вескис. И Френк, увидев очень странную парочку Летающих людей, направившись к Келвину, спросил:

– Ты кто?

А Келвин, который еще не умел толком разговаривать в полете, мог только сказать:

– Я – Бумм... Я – Бумм...

И стал падать. Пришлось его подхватить и натурально «тащить» до первого места, где можно было снизиться (Остину, имевшему опыта полетов чуть больше, удалось как-то продержаться). Так Келвин и Остин вошли в группу Вескис. А к Келвину надолго прилипло прозвище «Большой Бум» (или Биг Бум), от которого он почти год отбивался.

Маркиза смеялась вместе со всеми. А Велли добавила:

– Вот видишь, Колокольчик, а ты в первый раз полетела – и почти весь полет вообще летела сама. И такое приключение сразу!

– Да... – протянула Маркиза. – Мороз по коже от этих уэслеров. А вообще, откуда они взялись?

– Об этом, наверно, лучше спросить у Вескис, – сказала Велли. – У нее больше всех опыта. Да, Кис?

– Уэслеры были всегда, – помолчав, тихо сказала Вескис.

«И когда уже не будет Летающих людей, уэслеры останутся в небе», – неожиданно пришло Маркизе в голову. Странное взаимопонимание сохранялось еще между нею и Вескис после полета: она словно слышала «продолжение» ее речи.

– Уэслеры, – продолжала Вескис, – это как бы тормоза. Они могут останавливать движение, могут останавливать музыку. Даже время замирает, когда проходит мимо них.

– А они живые? – спросила Маркиза.

– Живые, наверно. Это такие кочующие субстанции или сгустки материи... – она посмотрела на Френка и засмеялась:

– Наверно, с точки зрения физики, то, что я говорю – это полная ерунда...

Но Френк не возразил. Обращаясь к Маркизе, он сказал просто:

– Я могу объяснить, как это с точки зрения физики, но легче тебе от этого не станет. Для нас они смертельно опасны. И от них надо держаться подальше.

Маркиза вспомнила цепенеющее чувство, охватившее ее, когда они проскочили мимо уэслеров: вспученные сизые кручи, давящая масса, неторопливо и значительно поглощающая все звуки вокруг... По сравнению с этой значительностью таким детским и несерьезным казался их полет, их стремление к далекой цели!

«Словно мы мошки, а оно – мухобойка», – подумала Маркиза. И решила постараться забыть об уэслерах, хотя бы до той поры, когда надо будет возвращаться назад.

Стемнело. На веранде зажгли лампу, на столы поставили свечи.

– Первый тост – за героя дня, Маркизу! – возгласил Трико.

– Ура! – откликнулись все, и вино полилось в высокие бокалы.

Ужин еще не подошел к концу, когда Вескис поднялась из-за стола.

– Ладно, ребята, я пойду к Одери.

– А, мы тоже, – сказала Вэлли. И посмотрев Вескис в глаза добавила: – Чуть попозже.

Вескис кивнула.

«Вторым был Одери», – вспомнила Маркиза. И неожиданно для себя, воскликнула:

– А можно я пойду с тобой?

– Отчего же нет? Только оденься потеплее. А я захвачу еще кое-какие вещи, – сказала Вескис.

9

Через четверть часа они вышли из дома в ночь. За плечами у Вескис был большой рюкзак, в руках – корзинка. Они обогнули дом и вошли в лес. Вескис остановилась, чтобы включить фонарь.

– Можно помочь тебе? – тихо спросила Маркиза. Здесь, на маленькой тропке посреди таинственного соснового леса, она почувствовала себя совсем неуверенно. «А вдруг я совсем ей не нужна сейчас?» – подумала она. «Вдруг я лишняя?»

Но Вескис спокойно отдала ей корзинку.

– Здесь осторожнее, спуск неровный, – сказала она и протянула Маркизе руку.

Они миновали небольшой овраг. Дул легкий ветер, и тихо, величественно колыхались сосны. Тропа стала сужаться, под ногами зашуршал мох. Маркиза не могла избавиться от желания прислушаться и уловить мелодию, которая, она знала, жила в лесу. Однако музыка словно уснула в тени ветвей. В лесу застыла душистая тишина.

Они шли в каком-то понятном Вескис направлении, петляя между сосен. Но вот Маркиза увидела, что впереди – открытое пространство, и что-то большое темнеет вдали.

– Видишь, мы почти пришли, – сказала Вескис. – Вон там горка. А в ней пещерка, где живет Одери.

– В пещере? – удивилась Маркиза.

– Ну да, – улыбнулась Вескис. И добавила: – Там хорошо. Я там тоже когда-то жила.

Они вышли из леса к темнеющему в ночи холму. Маркиза на минуту остановилась, пораженная открывшейся красотой. Фонарь здесь был не нужен, потому что лунный свет серебрил дорогу. Вокруг холма раскинулось небо, ясное, сочное от сияющих в ночи звезд. Маркизе показалось, что звездный свет струится, освещая им путь.

– Какая ночь! – воскликнула она.

Вескис тоже остановилась, улыбаясь и глядя на звезды.

– Да... Небо становится ближе. Самое время для Онтарио.

Маркиза встрепенулась. Но Вескис больше ничего не добавила, а она не решилась спросить. Так они подошли к подножию холма. Здесь Маркиза увидела, что в большое отверстие, видимо, служившее входом, вставлена тяжелая деревянная полукруглая дверь.

– Но у нас есть ключ! – сказала Вескис. Она достала стальной ключ из набедренной сумки и, щелкнув, открыла. Потом толкнула дверь, и на них надвинулась темная теплота пещеры. Вескис сразу прошла в эту темноту, а Маркиза остановилась, придерживая дверь, оставшись у звезд. Где-то впереди взметнулся огонек. Маркиза увидела неясный блик пламени свечи и услышала приглушенный голос Вескис:

– Все, Маркиза, закрывай.

Дверь закрылась неожиданно бесшумно. Вескис зажигала светильники, стоявшие в углублениях и висевшие на стенах вдоль пещеры. По мере того, как они разгорались, Маркиза оглядывалась. Пещера, видимо, состояла из нескольких залов, судя по тому, что впереди темнел проем. В зале, где они стояли, было немного мебели: маленький, покрытый цветным одеяльцем, столик, очевидно, самодельный, несколько таких же самодельных стульев и что-то вроде лежанки в глубине, также накрытой чем-то темным. Потом каким-то внутренним чутьем Маркиза поняла, что они не одни. И тут Вескис, сняв со стены светильник, подошла к лежанке, присела, опустила свечу, и Маркиза сразу поняла, что на лежанке спит человек.

– Одери... – то ли сказала, то ли пропела Вескис со странным акцентом и ласково погладила темное одеяло.

Человек пошевелился. И тогда, к удивлению Маркизы, Вескис снова тихо-тихо то ли заговорила, то ли запела что-то на непонятном языке, из которого Маркиза могла различить только «Одери... Одери...»

Это явно был какой-то мертвый или забытый язык. По крайней мере, Маркизе, которая неплохо в языках разбиралась, он ни разу не встречался.

А Вескис все пела, пела, поглаживая одеяло, руку, которая лежала поверх одеяла (теперь Маркиза это видела). И человек зашевелился, взял Вескис за руку, и Маркиза услышала его голос, тоже певучий, удивительно мягкий:

– Вескис... – и дальше – также на далеком, забытом языке, на котором, может быть, в целом мире говорили теперь только эти двое. Человек обнял Вескис. Они сидели в маленькой темной пещере, как двое заблудившихся детей, и Маркизе не хотелось им мешать. Потрескивали свечи, – и Маркиза вдруг ясно услышала музыку. Видимо, музыка появилась уже какое-то время назад, а теперь набирала силу... «Это Одери проснулся», – подумала Маркиза. Ей ужасно захотелось услышать, как музыка звучит под звездами... но тут Вескис обернулась к ней.

– Маркиза, это Одери. Одери – Маркиза, Колокольчик.

Маркиза подошла поближе. Она увидела улыбающегося взлохмаченного человека, примерно того же возраста, что и Вескис, или чуть старше. Что-то в его лице было странным, негармоничным.

– Вескис пришла... – говорил он, подбирая слова. – Привела Колокольчик. Вескис всегда возвращается к Одери.

И тут с болью Маркиза поняла, что человек был, как у них в институте говорили, «неадекватен»: такие интонации, такое выражение лица она встречала у людей от рождения больных, возможно, слегка умственно отсталых... Но ясно звучала музыка, пламя свечей колебалось в такт, и ее собственная струна запела тихонько, а человек сказал:

– Ты совсем легкая. Ты хорошо поешь, – он смотрел ей в глаза и улыбался. И она потянулась ему навстречу, а он продолжал:

– И ракушки любишь, да?

– Я выросла у моря, Одери, – сказала Маркиза, а он кивал:

– Да, да, у моря... – он опять смотрел ей в глаза, и Маркизе вдруг захотелось заплакать.

А Одери продолжал мягким своим голосом:

– Колокольчик ушла из дома, далеко. Она долго была одна. Ей было грустно. А потом она пошла в Лес и увидела Летающих людей. Но ей и сейчас бывает грустно, да?

Маркиза закрыла лицо руками. Ей показалось, что сейчас Одери расскажет ей всю ее жизнь. Но Вескис гладила Одери по руке и говорила тихо:

– Такэ, Одери, такэ...

– Одери не будет говорить, – он лучезарно улыбнулся, – Одери будет петь Колокольчику. Да, сейчас.

Он поднялся. Одери оказался немного выше Вескис, худой, на нем было надето что-то длинное и узкое. Он одел странного вида остроносые туфли и пошел к выходу, а Маркиза поспешила за ним. Она уже любила его. Вескис, улыбаясь, шла следом, держа светильник.

Одери открыл дверь, вышел и поднял руку. Маркизе показалось, что на руку его опустилась звезда. Легкий, нездешний звездный свет все так же струился вокруг, но теперь чуть-чуть слышно звучала музыка. Маркиза сначала услышала ее внутренним слухом, уже натренированным общением с Летающими людьми, а потом оказалось, что она слышна явственно, без усилий. Легкая, нежная мелодия, которая, казалось, разносилась отовсюду, но сердце ее было в руке Одери, – там, где жила звезда... А потом он запел.

Как он пел! – Застыл в молчанье лес.

Звук его согрел ночную тьму.

И спускались ангелы с небес,

Чтоб на струнах подыграть ему.

Потом она узнала, что эти слова – как раз о песне Одери. Но это потом. А в то время Маркиза только и могла, что слушать этот дивный, пронизывающий все вокруг голос, исполняющий на неведомом языке песню, понятную и без слов... Он пел о тоске по дому, – а звезды откликались и звенели радостью о дорогах, что уводят вдаль; звезда на его ладони (а может, это была душа Одери) тихо-тихо вплетала свою мелодию в общий хор, и это была мелодия о далеком доме, далеком и единственном, что ждет каждого где-то в глубине (где-то в вышине небес, – вторили звезды), где-то там, где живет наше сердце, пел Одери... Вместе с ним запела Вескис. И Маркиза сама не заметила, как стала подпевать, высоко и звонко, и ее голос влился в их мелодию и полетел в серебристом свете куда-то вдаль, расставаясь с печалью и одиночеством...

И была, как песня, ночь длинна

В небеса уйти не торопясь,

Над седьми соснами одна

Тихая мелодия лилась.

Мелодия медленно смолкала. А Маркиза почувствовала на душе покой и радость. Словно когда-то она задавала вопрос, и пришло время ответа. Она не могла сдержаться и кинулась обнимать Одери и Вескис.

– Спасибо, милый Одери, – только и могла прошептать она.

– Это не мне, не мне, – мотал курчавой головой Одери, и указывал куда-то вверх, к звездам. И конечно, руки его были пусты.

– Холодно, Одери, – ласково говорила Вескис, кладя руку ему на плечо, – пойдём. Я принесла тебе теплые вещи.

Одери кивал и улыбался странной своей улыбкой, которая в другое время напомнила бы Маркизе беспомощных пациентов неврологического отделения. Но сейчас она забыла обо всех определениях, что есть норма, а что – отклонение, и зачарованно глядела на худого волшебника, только что разбудившего этот мир.

Они вернулись в пещеру.

– Вот, Одери, – Вескис вытряхнула на лежанку одежду из рюкзака, что принесла с собой. – Это чистые, теплые вещи. Такие, как ты любишь.

– Да, Вескис всегда знает, всегда заботится, – говорил Одери. – Вескис теплая. – он улыбался, не глядя на принесенные вещи, а лоя, кажется, каждое движение Вескис, расправляющей свитер для него.

– Одери, оденься, – мягко, но настойчиво сказала Вескис, – сейчас моя группа сюда придет. Они тоже соскучились по тебе.

Одери взял свитер и теплые брюки и со свечой пошел в другой зал пещеры.

Вескис открыла дверь, и они с Маркизой присели на пороге, согреваемые теплом пещеры, и глядя на звезды.

– Вот тут мы и жили с Одери, – сказала Вескис. – После... катастрофы.

– Долго? – тихо спросила Маркиза.

– Прилично, несколько месяцев. Это место приютило нас. – Она помолчала, потом продолжила, глядя в небо:

– Это место особое, Маркиза. Оно закрыто. – Вескис перевела взгляд на Маркизу и улыбнулась ей, – Это значит, что ты не найдешь его ни на одной карте. Как, кстати говоря, большинство мест, куда мы летаем: Суховой тот же самый или Джорджию.

– А где это?

– Джорджия – в Грузии. Суховой, ты знаешь, – на юге, – Вескис махнула куда-то в сторону большой звезды. – Но это место мне особенно дорого.

Вескис замолкла, а Маркиза подумала, что не стоит сейчас спрашивать: и так понятно, что когда-то это место спасло жизнь ей, Одери и еще кому-то. Какая разница, вдруг подумалось ей, из какой страны они появились, – все равно этой страны уже нет. Эта мысль ошеломила ее – не сама мысль, а то, как она пришла ей в голову – словно откуда-то извне. Видимо, их связь с Вескис еще продолжалась. А вопросы все роились у нее в голове, она не могла так сразу успокоиться.

– А Одери... почему он не в нашей группе? – И тут же Маркизе самой стало странно от своего вопроса. Одери невозможно жить в городе, среди людей он – как белая ворона; еще, пожалуй, укут его в лечебницу... Но ответ был другим.

– Одери не летает, – мягко сказала Вескис.

– Не лета-а-ет... – протянула Маркиза. «Но он же слышит музыку!» – подумала она. И сам собой пришел ответ: он слышит музыку, он рождает музыку. Чтобы кто-то летел, кто-то другой должен оставаться и петь. Кто-то должен ждать и не гасить огня. Так всегда было. Заозерье – чудесное место, но всегда должен быть кто-то внутри, кто делает чудо возможным. Она вспомнила, как когда-то слышала от Френка поразившую ее теорию виртуальных частиц: их вроде бы нет в природе, но они влияют на наш реальный мир; а когда появляется квант

света, – один совсем маленький квант, – они становятся материальны... «Одери – такой квант света», – подумала она.

– Но как он поет! – сказала Маркиза.

– Да, – согласилась Вескис, – З д е с ь он поет потрясающе.

«В другом месте он не сможет т а к петь» – подумала Маркиза.

– А вы с ним вдвоем жили здесь? – осторожно спросила Маркиза.

– Ну... был с нами еще один человек. Но он, к сожалению, так и не научился ни летать, ни петь, – сказала Вескис. – О, вот и наши пришли!

Действительно, вдали, у кромки леса, показались огни, и воздух наполнился веселыми голосами.

10

Так завершился их первый день в Заозерье. Этот день и вечер запомнились Маркизе ярче всего. Если бы можно было взять с собой видеокамеру, она бы записала каждое мгновение и того, что было тогда, и того, что было в Заозерье после. Ведь со временем краски тускнеют, голоса стираются в памяти. Но как передать ощущение свежести, ясности и глубины, что всегда было в Заозерье, то удивительное чувство сказки, что только начинается?

Постепенно она узнавала больше об этом месте. Впервые сюда попали Вескис, Одери и еще третий человек, имени которого они не упоминали. Это было в то время, когда Летающие люди только-только появлялись. Как они оказались в Заозерье, они и сами толком не знали: было землетрясение, они пытались спастись, потом оказались в незнакомом месте, в сосновом лесу. Они нашли пещеру, ручей и стали потихоньку жить. Потом они открыли музыку. А как-то, когда с пищей у них стало совсем туго, оказалось, что Вескис может летать.

– У меня не было другого выхода, – смеялась Вескис, рассказывая об этом, – либо мне полететь, либо нам всем умереть от голода.

Они не умерли от голода, потому что Вескис летала, – сначала, когда пел Одери, потом она научилась летать сама, – и смогла связаться с другими Летающими людьми. Так на картах Летающих людей появилось Заозерье, а отрезанные от мира беженцы смогли выбраться. Тогда третий человек ушел. А Одери и Вескис остались.

– А дальше? – спросила Маркиза.

– И все, – ответила Вескис, глядя ей в глаза. И Маркиза с удивлением поняла, что Вескис, как и Одери, навсегда осталась в Заозерье. Ей часто приходилось слышать там, в городе, что Вескис – в Заозерье, но она думала, что для Вескис это что-то вроде командировки. А оказалось, что командировкой был для нее город, а в Заозерье – дом.

Маркиза подумала, что для нее Заозерье никогда бы не могло стать домом, но оно, словно волшебный замок, вызывало чувство благоговения. Она полюбила бывать у Одери. Она относилась к нему с трепетом, смешанным с пронзительной жалостью, особенно в те минуты, когда он что-то терял или не мог вспомнить, или просто беспомощно улыбался, глядя куда-то поверх ее головы. Ее поражали их отношения с Вескис: такой нежности ей не приходилось встречать и у влюбленных; а ведь они явно никогда не были близки. Чувства Маркизы к Одери вылились в постоянное желание сделать ему что-то полезное, заботливое. Она навела порядок в его пещере, очистила все светильники и даже взялась шить ему новое покрывало для постели (мама бы ни за что не поверила!) Она заставила Келвина починить Одери покосившийся столик. И Келвин, на радость ей, даже сколотил маленький платяной шкаф, куда Одери мог теперь складывать принесенные Вескис вещи.

Проходили дни. На радость Маркизе, она наконец-то смогла вдоволь летать под музыку. Каждый день вместе с кем-то из друзей она выходила на поляну и, в предвкушении счастья, поднимала глаза в небо. Маркиза выверяла курс, как ее учили – напротив солнца, между облаками, в просвет. Потом она прислушивалась. И когда слышала музыку, легко поднимала руки, – и ветер подхватывал ее.

Небо над Заозерьем было обычно покрыто мучнистыми, густыми облаками. Френк говорил, что в разных краях небо разное: в Джорджии оно ясное, облака редкие, легкие. И вкус у неба суховатый, теплый. А в Заозерье вкус неба влажный, сочный, как говорили Летающий люди, «хэви скай», тяжелое небо. Взлетать тяжелее, чем в той же Джорджии, воздух давит.

Маркизе сравнивать было не с чем. Она взлетала над соснами, и ей открывались далекие пути – на запад, к туманным долинам и серебрящемся лентам далеких рек; на восток – к лазоревым берегам, на юг – где-то там, очень далеко, было море, поющее долгую колыбельную песню; наконец, на север, к темнеющим у горизонта горам... Только вверх, к звездам, не было дороги.

Но однажды вечером, когда зажглись первые звезды, они вдруг собрались, одели полетки и отправились с легкой поклажей куда-то в лес. «К озеру», – сказала Владеница в ответ на вопрос Маркизы. Они прошли мимо холма Одери, и он вышел к ним навстречу. Вескис взяла его за руку и тихо и ласково сказала что-то на их языке. Их длинные пальцы переплетались. Одери покачал головой. Он выглядел встревоженной, чем обычно. Но Вескис ему что-то говорила и говорила, и он успокоился, и обнял ее. А потом они пошли дальше, и оглядываясь, Маркиза все видела узкую фигуру, темнеющую под звездным небом. Потом они зашли под седые кроны сосен, и Одери пропал из вида.

Настроение у всех было сосредоточенное и молчаливое. Лишь раз в группе обменялись репликами. В ответ на вопрос Трико: «И что же мы не летим наконец?», Френк ответил:

– Ты неправильно формулируешь вопрос, Трико. Надо спросить: «А куда подевалось небо?»

– Наша «питательная среда» – добавил Остин, и все засмеялись, потому что недавно один весьма ученый биолог, давно общающийся с Летающими людьми, пытался им втолковать, что смыслом их полета является энергетический обмен между ними и озоновым слоем атмосферы.

– Сейчас будет вам небо, – весело пообещала Вескис, – еще немного усилий, чтобы пробраться к Натановой поляне, – и можно будет лететь.

– А почему – Натанова поляна? – спросила Маркиза.

– Ее впервые увидел человек... по имени Натан, – ответила Вескис. Все как-то сразу замолчали, и Маркиза дальше спрашивать не стала.

Впрочем, разговаривать было трудно. Все сложнее стало пробираться в темноте сквозь густые заросли. Маркиза внимательно глядела под ноги, но то и дело спотыкалась о корни деревьев, и тогда ее на ходу подхватывал Влад или Келвин, идущие рядом. Наконец, свет фонаря отразил просвет впереди. Они вышли на большую поляну в лесу.

Они остановились. Здесь было тихо, не слышно ни ветерка. Еле-еле уловима была музыка, – но внутренним слухом ее можно было услышать. «Одери не спит», – подумала Маркиза.

Маркизе еще ни разу не приходилось летать в темноте. Ей стало немножко зябко.

– Вот – ваше небо, – ясно сказала Вескис, подняв руку к звездам. Тогда все подняли глаза. Чистые, бесконечно далекие, сияли над ними звезды. Группа Вескис тихо выстроилась тем же строем, каким летела в Заозерье. Музыка стала слышнее, они подхватили ее, а она – их. И они взлетели.

Когда кроны сосен оказались внизу, Маркиза огляделась. Здесь, в небе, гулял ветер, – гораздо сильнее, чем днем. Только общий строй мог удержать музыку, преодолевая ветер. Впе-

реди не было ни огонька, – только звезды освещали их путь. В то же время где-то вдали Маркиза различила голубое свечение, – именно туда они и летели.

Маркизе приходилось стараться, чтобы держаться строя. Постепенно, кроме музыки группы Вескис, Маркиза стала различать и другие тона. Она знала, что прислушиваться к ним опасно: можно затеряться в этих звуках и потерять строй. Но совсем не слышать она не могла. Ночная музыка так была отлична от всего, что она слышала раньше! Сами звуки были глубже, полнее, «медленнее», как ей показалось. Там был свой смысл, – но понять его она не могла; даже пытаться было опасно, можно было отстать от своих. Поэтому, борясь с желанием остановиться, прислушаться, Маркиза продолжала фокусировать внимание на едином звучании группы Вескис.

А голубое сияние было все ближе, ближе; очертания за ним расплывались, оказалось, что впереди – стена голубого, мерцающего тумана. Группа Вескис стала снижаться, прямо в туман. И окунувшись туда, Маркиза ощутила покалывающий холодок на коже, а затем увидела внизу хрустальную зеркальную гладь большого озера.

– Где мы? – прошептала она, обращаясь к Владенице.

В больших глазах Владеницы отражалось серебро озерного тумана. Она улыбалась.

– Это озеро Онтарио, самая скрытая часть Заозерья. Отсюда видно Звезду.

«Звезду Онтарио!» – подумала Маркиза. Вот зачем они прилетели. Но дальше думать она не могла: они снижались.

Они опустились на площадку у кромки воды.

– Ну и красота! – раздался восхищенный голос Елены. Она, как и Маркиза, видела Онтарио в первый раз, хотя входила в группу Вескис два года.

Красота действительно была необыкновенная. Озеро струилось, переливалось у их ног. Оно было достаточно большим, но глаз мог охватить далекие берега, покрытые лесом. И везде, повсюду вздымался из озера голубой, сверкающий туман. Он скрывал от Летающих людей звездное небо, но освещал площадку, на которой они стояли, прибрежные деревья и большие валуны, неведь как оказавшиеся в этих местах.

Летающие люди достали плетеные коврики и пенки и сели: кто на землю, кто на валун.

Вперед вышла Вескис. Искры тумана серебрились на ее лице.

– Друзья мои, – сказала она и улыбнулась. – Друзья мои, сегодня, возможно, мы увидим Онтарио.

Стало тихо. В такт ее словам смолкли травы, стих ветерок, ничто не шевелилось.

– Онтарио – это скрытая звезда. – Вескис обращалась к тем, кто не знал об Онтарио, прежде всего – к Маркизе. – У нас мало времени, я не могу сейчас всего объяснить. Могу только сказать, что когда появляется Онтарио, изменяется мир. А когда приходит время миру измениться, – появляется Онтарио. Нелепое объяснение, да? – Вескис улыбалась, и Маркизе передалось ощущение бесполезности объяснения явлений, не поддающихся толкованию. – Все равно, если это произойдет сейчас, вы все узнаете сами. Из гораздо более достоверного источника.

– Как узнаем? – прошептала Маркиза.

– Увидишь, – в ответ прошептала Владеница.

– Все, смотрите, туман уходит. Приготовьтесь. – Вескис обернулась к озеру и решительно протянула руки.

Все поднялись с мест. Голубой туман у них на глазах редел и маленьким, плотным сгустком откатывался к середине озера.

– Приготовьтесь! – звонкий голос Вескис разнесся над озером.

Повеял ветер, травы и деревья зашелестели. Ветер гнал туман в глубину озера. Все как по команде призывно протянули руки, обратившись туда же. Тихо зазвучала музыка: Летаю-

щие люди запели. Первой взлетела Вескис. За ней, подгоняемые ветром, навстречу голубому туману понеслись остальные.

Они летели низко над водой, все дальше и дальше. Где-то посреди озерной глади туман скрутился плотным кольцом и завихрился, поднимаясь к небу. Маркиза как-то поняла, что нужно делать. Вся группа Вескис окружила этот узкий вихрящийся ствол тумана и кружилась, чуть медленнее, чем он, в странном, медленном танце. Музыка была все яснее, громче, громче. И вдруг...

Туман словно «впустил» их внутрь вихрящегося столба. Внутри было ясно, чисто и свежо. И в мыслях Маркизы вдруг наступила такая же кристальная ясность и чистота. Ее охватило глубокое спокойствие, пришедшее откуда-то извне. «Онтарио» – услышала она. Это были голоса ее друзей. Маркиза подняла глаза ввысь. «Онтарио», – благоговейно прошептала она.

Там, в глубокой черной впадине, мягко сияло небесное тело. Оно было большим и прекрасным. Может быть, самым прекрасным из всего, что видела Маркиза когда-либо. Музыка его движения была величественна и глубока. Маркиза затрепетала: она узнавала его. Все песни Летающих людей (даже песня Одери) были отражением той музыки, что вела его по небесному кругу.

От него отделился луч и тихо опустился вниз, прямо к ним, осветив блики серебристого тумана, отгораживавшего эту картину от всего остального мира. Никогда потом Маркиза не могла целиком ни вспомнить, ни забыть встречи с Онтарио. Она помнила, что музыка его света была тихой и глубокой. Помнила, как свет небесного тела словно бы гладил ставшее живым пространство, бережно и проникновенно. И все, чего он касался, становилось чистым и ясным, почти таким, как замыслил его Создатель. Маркиза невольно устремилась навстречу свету, – и все ее существо открылось пониманию.

Онтарио – скрытое светило, подумала она, поэтому и найти его можно в закрытых местах. Пока закрытых, – словно сказал внутри нее мягкий голос. Онтарио должно взойти (именно взойти) на приготовленное ему место; срок близок. Тогда не будет ничего скрытого. Мир изменится. Внутри нее вспыхнула радость предвкушения встречи, – и сразу сменилась ощущением тревоги. Этого может и не случиться, поняла Маркиза. По какой-то причине Онтарио не может преодолеть невидимый барьер и открыться. Если к сроку ему не удастся встать на свое место в небесном пути, Онтарио не взойдет.

Что же будет? – подумала она. И поняла: это будет утратой непоправимой. Музыка мира обеднеет, краски его потускнеют, и радость убавится. И все, что было отражением Онтарио, исчезнет. Ее сердце наполнила печаль, такая сильная, что, казалось, оно вот-вот разорвется. Она заплакала. Она поняла, что это не ее личная будет потеря, если Онтарио исчезнет. Что есть такие *не встречи*, которые не менее горьки, чем утраты.

Она почувствовала тепло. Небесный луч опустился на ее голову и мягко ее коснулся. Слезы Маркизы отчего-то сразу высохли. Она поглядела вверх – как ни странно, луч не обжигал глаза, Онтарио ясно сияло над нею. Онтарио – выше ее печали, подумала Маркиза. Онтарио знает, что мы можем потерять, – знает гораздо больше, чем мы. Там, в небесах, печаль сильнее, чем здесь. Но там сильней и решимость.

Я могу помочь? – спросила она беззвучно. Луч все гладил ее. Ты же Летающий человек, – прошелестело у нее внутри. И тут она ясно и отчетливо увидела связь между Онтарио и Летающими людьми.

Онтарио стоит у границы видимого мира. Словно те частицы, о которых говорил когда-то Френк. Виртуальные частицы, которые не могут проявиться, пока не получают квант света. Этот квант света – мы, подумала Маркиза. И внутри у нее похолодело. Мы? Летающие люди?

Мы же не просто летаем, – подумала она. – Мы собираем музыку. Мы накапливаем музыку Земли, не всю, конечно, но ту музыку движения, которая нужна для полета. Это и есть квант света. И мы должны отдать его.

Эта мысль была четкой и простой. Нужно лететь к Онтарио и отдать ему энергию полета. И тогда небесное тело сможет войти в пространство нашего мира и подняться на свой небесный трон.

А что будет... с самими Летающими людьми? – замирая, подумала Маркиза. И сразу поняла, что этот вопрос бессмыслен. Им нужно лететь. Иначе Онтарио не взойдет никогда.

Маркиза вновь подняла глаза к Онтарио. «Прекрасное, ясное, светлое, самое светлое», – шептала она. В душе у нее воцарилась благоговейная тишина. Что ж, дорога к звездам теперь открыта. «Сейчас? – подумала она и похолодела. – Нет, не сейчас. Не сейчас, но скоро».

Тут голубой туман вновь закружился перед глазами, звездный свет померк, и их вытолкнуло обратно, в пространство озерной глади и предутренних сумерек. Они летели к берегу. Маркиза с удивлением поняла, что они пробыли наедине с Онтарио не менее нескольких часов, промелькнувших как одно мгновение.

Опустившись на землю, Маркиза села, прислонившись спиной к большому камню, опустила голову в ладони, и слезы полились из ее глаз. Она плакала и не могла остановиться, даже не зная, о чем. О том, что теперь она не видит Онтарио, о том, что увидела Онтарио, о том, что Онтарио может не взойти, и о том, что теперь у них нет пути назад.

За короткую встречу с Онтарио целый мир раскрылся перед ней. Ей раньше казалось, что летать – это здорово, что полет – свобода и сказка, и спасение от одиночества. Она чувствовала, что у полета есть свой смысл, но задумываться о нем ей не приходилось. А оказалось, что есть Онтарио. Оказалось, что полет – неотвратимость. Ей пришел ответ на вопрос, который она еще не успела задать. И все это было так прекрасно и грустно, так выше ее понимания, что ей оставалось только плакать.

Кто-то подошел к ней и положил руки ей на плечи. Кто-то еще ее обнял. Маркиза подняла глаза и увидела Владеницу и Елену, и Трико, который без обычной улыбки гладил ее по волосам, совсем по тому месту, куда недавно прикоснулся небесный луч.

– Что ты, Малыш, – говорила Владеница, – не плачь.

А потом подошла Вескис, за руку с Френком. Она присела перед Маркизой, и тоже провела по ее волосам.

– Ты встретишься с Онтарио? – спросила она.

Маркиза кивнула. И ответила, глотая слезы:

– Лучше бы... я никогда его не видела. Тогда не было бы так грустно и... не нужно было бы лететь.

– Только тогда и Летающих людей вообще бы не было, – сказала Вескис.

Маркиза взглянула ей в глаза и увидела в них отражение света Онтарио. Как же я не замечала этого раньше? – подумала она.

Постепенно все собрались в обратный путь. Вескис не торопила, но каждый как-то внутренне чувствовал, что надо поспешить.

– Мне отчего-то тревожно, – сказала Маркиза Владенице.

– Конечно, не мы одни чувствуем приближение Онтарио. – ответила та, складывая коврик в дорожную сумку. Уэслеры тоже не дремлют. Голубой туман защищает от них, но он бывает не каждую ночь.

Они поднялись к небу, – для Маркизы это стало уже чем-то почти привычным, – и полетели к востоку, в Заозерье. Там они опустились на площадку, ближайшую к дому. Только шагая к бревенчатому жилищу, ставшему для Маркизы родным, она почувствовала, как же она устала. Скорее домой, скорее в комнату... Предвкушая сладкий сон, Маркиза окунулась в мягкое одеяло, – и услышала привычную, баюкающую музыку Заозерья. Как хорошо, Одери не спит, – подумала она, счастливо улыбаясь, – и погрузилась в сон.

Проснувшись, Маркиза долго не могла понять, какое сейчас время суток. Она слышала голоса в доме, – видимо, пора вставать, но не хочется, – такой хороший, теплый сон... Онтарио... И тут она поняла, что спала без снов, а Онтарио – это зовущая реальность. И тут же спать расхотелось. Маркиза поглядела на часы: четверть второго.

Она быстро оделась и вышла в холл. Там, прислонившись к косяку, болтали Трико и Грегори (вернее, Трико жизнерадостно болтал, а Грегори иногда удавалось вставлять между-метия: «А-а», «Ну да»). Маркиза сунула руки в брюки и танцующей морской походкой пошла между ними.

Трико тут же замолчал, а его улыбка стала еще шире. Он загородил дорогу рукой:

– Мисс, у нас платный вход. Десять долларов.

– У меня льготы, – сообщила Маркиза.

– Тогда пять.

– Может, лучше поцелуй принцессы? – склонив голову набок, сказала она.

– Так, Грег, отвернись, – скомандовал Трико и обращаясь к Маркизе, кивнул:

– Давайте, мисс.

Он подставил щеку. Маркиза хлопнула его по затылку и проскользнула, смеясь:

– Я сказала принцессы, а не маркизы!

– Ах, так? – обиженно сказал Трико. – А штраф?

Неуловимо легким движением он оказался возле нее. Он хотел схватить ее в охапку, как это бывало и раньше, но она увернулась и, умоляюще сложив руки, поглядела на Трико уже без улыбки. Он понял, что настроения продолжать игру у нее уже нет.

– Обрато этот номер не выйдет! – погрозил он.

В кухне убиралась Елена: очаровательное белокурое существо, одна из немногих в группе Вескис, кто тщательно заботился о чистоте и порядке.

– Встала, солнышко? – спросила она.

– Тебе помочь? – отозвалась Маркиза

– Что ты! Тут двоим делать нечего. Лучше поешь и погуляй еще немного: мы завтра улетаем.

– Уже? – ужаснулась Маркиза. Но тут же поняла: уже пора. Все, зачем они прилетели, они получили здесь сполна.

– Да, – ответила Елена, готовя Маркизе большой бутерброд и салат, – Вескис сейчас разведает курс с Френком и Велли. А завтра рано, рано утром мы летим. Так что если хочешь с чем-нибудь попрощаться, прощайся сейчас.

Она налила Маркизе чай и одарила ее белоснежной улыбкой.

– Спасибо большое, Елена. А где все остальные?

– Владики гуляют, Трико и Грега ты уже видела, – принялась рассказывать Елена – Кевин и Остин пошли нарубить дров на запас и для Одери. А Дон Пьетро с ними, следит, чтобы полена были правильной длины, – она улыбнулась.

– Да, кто-то же должен следить... за мировым порядком, – сказала Маркиза.

– Вот-вот, он так и сказал.

Пока Маркиза завтракала, в дом, пыхтя, вошел Дон Пьетро.

– Слушайте, дайте воды. Ух, устал. Шел от самого Кривого ручья с дровами. Вы Владиков не видели?

– Как же, как же, – моментально отреагировал Трико, – ушли. Кажется, сказали, что пошли искать Дона Пьетро.

Маркиза засмеялась, допивая чай, вымыла за собой посуду и, оставив хлопчущую Елену и Дона Пьетро, обменивающегося с Трико любезностями, вышла из дома.

Ноги сами повели ее по знакомому маршруту: к Одери. Где-то раздавался стук топора: это работали Остин и Келвин. Вокруг тихо-тихо шевелились кроны сосен, мох шуршал под ногами. Птицы пели. А маленькая тропинка, ставшая ей за это время почти родной, вела ее, петляя меж сосен, к сердцу этого края.

« Я успела полюбить это место, – подумала Маркиза, – как странно. Кажется, ты уйдешь, а оно останется с тобой. Есть в нем что-то, что неизбежно, что не может исчезнуть...»

Она привычно ловила отголоски музыки. «Разве может такое быть, что пройдет каких-нибудь один-два дня, и этой музыки уже не будет со мной? И все станет буднично и серо, так серо, как в мире, где нет Онтарио. Нет и не будет Онтарио». Потом мысли ее закончились: она пришла.

Дверь в холм была отворена. Маркиза заглянула в темноту пещеры и позвала:

– Одери!

– Колокольчик! – раздался радостный возглас откуда-то из глубины. Когда глаза ее выкли к полутьме, она увидела Одери в длинной изношенной хламиде из странного, переливающегося материала, видимо, когда-то красивого, надетой поверх вполне привычных трикотажных штанов.

Одери обнял Маркизу и повел ее в свой дом. Посреди главной, большой комнаты, на столе были разложены пучки трав.

– Вот, сушу свой чай. Когда будет зима, Одери станет пить чай из трав. В нем солнце останется. Пойдем, попьем чай из трав, которые еще раньше были.

Маркиза вместе с Одери вошла в другую пещерку его жилища. Здесь у Одери была кухня. Благоухали травы, развешенные по стенам. Мягкий свет лился откуда-то сверху, и Маркиза уже знала, что там прорублено небольшое «окошко», заделанное стеклом и незаметное снаружи.

Маркиза устроилась за столиком и пила ароматный чай. А рядом Одери продолжал свою работу, перевязывая пучки травы тонкой веревкой.

– Одери, – сказала она, – сегодня у нас последний день. Мы улетаем завтра утром.

Длинные пальцы Одери дрогнули.

– Грустно, грустно. Так скоро.

Он замолчал, но потом тихо продолжил:

– Но Одери знает, – мы еще встретимся. – Одери и Маркиза. Будем петь.

– Конечно, Одери, – с готовностью согласилась Маркиза. Мы обязательно встретимся еще. И я вот о чем хочу тебя еще спросить... Ты знаешь об Онтарио?

– Вескис знает все, – сказал Одери. – Онтарио – это... он подыскивал слова, – это как весть.

– Вестник?

– Да, да, вестник. Онтарио приходит, – и мир меняется.

Он помолчал.

– Когда-то в нашу Синегорию пришло Онтарио тоже...

– Ты видел Онтарио? – брови у Маркизы изумленно взметнулись.

– Нет, нет, – Одери покачал головой. – Никто не хотел, чтобы мир изменился. Никто не был готов. Это было давно, так давно... Ни Одери, ни Вескис на свете не было еще.

– А потом?

– А потом – катастрофа, пш-ш-ш! – Одери развел руками. – Все. Синегории нет.

– Это от того, что Онтарио не вошло?

– Это от того, что мир не изменился. Онтарио – только знак. Вестник.

– Синегория... – протянула Маркиза мечтательно. – Где это?

– Теперь – нигде. Голос Одери был глух. – Это скрытая страна была. Для России, Украины, Джомэни, Польши – скрытая страна. В Синегории не знали о вас. А вы – о нас. Теперь – все, не о чем говорить.

Маркиза погладила Одери по руке и переменяла тему:

– Одери, знаешь, я видела Онтарио. Это просто сказка. Такое яркое и глубокое, и грустное, и теплое... и нежное... и красивое... Она засмеялась. – Потрясающее.

– Да? – Одери улыбаясь смотрел на нее. – Теперь что?

– Теперь не знаю, – Маркиза стала серьезной. – Теперь нам надо лететь к нему. – Она задумалась на минуту. – Иначе будет катастрофа, да?

– Не знаю, – Одери качал головой, – не знаю. Одери не сможет лететь. Одери не летает в этом мире. Вескис умеет летать только. Вескис улетит, – Одери останется один.

Маркизе стало вдруг очень грустно.

– Нет, нет, что ты! – воскликнула она. – Это будет еще не скоро. Мы будем петь вместе и сушить траву, и пить чай. Давай я помогу тебе!

И она взяла веревку и стала перевязывать пучки трав. Так они работали и работали, пока все травы не были разобраны и перевязаны. А потом Одери сказал:

– Пойдем, я Синегорию тебе покажу.

Холодок пробежал по спине Маркизы. Она с готовностью встала из-за стола и прошла вслед за Одери в конец маленькой кухоньки. Там, незаметная глазу, в стене обнаружилась ручка. Одери потянул за нее, – и открылся проем в человеческий рост, завешенный легкой тканью. Ткань чуть шевелилась, и словно сама собой источала свет. Одери одернул полог и вошел. Вслед за ним вошла и Маркиза.

Грот, в которое она попала, оказался просторнее кухни. На стенах потрескивали свечи; но приглядевшись, Маркиза поняла, что перед ней не свечи, а некие светящиеся стустки неизвестного материала. На стене напротив входа висел крест, чему Маркиза не удивилась, хотя и знала, что любое исповедание веры в стране запрещено – как противоречащее правам человека на толерантность.

Однако крест был единственным знакомым ей предметом. В остальном комната была наполнена абсолютно непривычными вещами. Несколько странных округлых предметов, исчерченных непонятными знаками, стояли на специально вырезанной для них округлой полке.

– Это что? – спросила она Одери.

Он замялся:

– Это... книги, *палсы*. Немного, но – есть. Что осталось.

Маркиза прикоснулась к одной из них и ласково погладила. Неожиданно книга открылась. Маркиза увидела вновь знаки, знаки и знаки, но, внимательно приглядевшись, она «увидела» каким-то внутренним зрением проступающую сквозь них картинку, – и словно начала понимать...

– Уау, ничего себе! – воскликнула она поражено.

Одери улыбнулся.

А перед Маркизой словно разворачивалось удивительное действие: что-то она понимала в нем, какие-то детали и понятия были ей неведомы. На бескрайних полях неведомого мира шелестели травы, и она слышала их шорохи. Там, за травами, начинались тропы, и вели к белому городу. Маркиза увидела каменные дворы и террасы, и деревья странной формы с могучими кронами. Дворы вывели ее к широкой, изогнутой улице. А потом из-за поворота вышли люди – много людей. Какими странными они были!

Странной была их одежда, – теперь Маркиза начала понимать, откуда пошел халат Одери и узкие остроносые туфли. Они несли чудные предметы: вглядываясь, Маркиза поняла, что это – какие-то музыкальные инструменты, потому что с удивлением она ощутила, что может «слышать» издаваемые ими звуки. Люди пели! Правда, язык был ей незнаком, но в том, что это – песня, не было сомнения.

– Похоже на наши фестивали! – сказала Маркиза.

– Летающие люди везде похожи, – ответил Одери.

– Это – летающие люди?

– Смотри, смотри... – он указал на страницу.

И Маркиза увидела, как взметнулись хламиды, какие-то искры взлетели в воздух, и люди закружились в вихре и стали подниматься ввысь.

– Ух ты! Совсем не так, как мы! – замороженно говорила Маркиза.

Люди взлетели, а картинка вдруг задернулась туманом и потемнела, и снова перед Маркизой оказались лишь знаки незнакомого языка. Одери бережно взял у нее книгу.

– Вот это да! – качала головой Маркиза. – Какая книга!

– Она тает, – сказал Одери. Все тает, тает. Потом ничего не останется от Синегории.

– Одери, – спросила Маркиза, – о чем эта книга?

– Обо всем, что хочешь, – ответил он. И на непонимающий взгляд Маркизы пояснил, улыбнувшись:

– Эти книги как... ткутся, – он сделал знак руками, словно вязал узор. – В книге много узоров. Можно смотреть на людей – видишь одну историю. Можно пойти во двор, смотреть в окна, – видеть много историй. Много разных. Ты видела летающих людей сегодня. Вот так. Могла видеть что-то другое, – если бы хотела.

– Одери, – один вопрос не давал ей покоя, – а у вас тоже были летающие люди?

– Всегда были, – он кивнул. – Как пришло Онтарио. Но потом не стало смысла. Исчезли.

– А Вескис? – продолжала Маркиза, – Она же научилась летать здесь, в Заозерье, нет?

Одери помолчал. Маркиза видела, что он словно взвешивает, говорить или нет дальше.

Она ждала.

– Вескис была летающий человек всегда, – наконец сказал он, медленно, как бы через силу. – Мы бы не спаслись. Был шторм. Ветер. Гром. – Его глаза смотрели куда-то мимо Маркизы, а лицо словно постарело. – Шум был. Вескис нас спасала. Мы были рядом.

Глаза его закрылись, и он заговорил что-то на незнакомом певучем языке. Маркиза тронула его за руку.

– Не надо, Одери, не надо, – проговорила она.

Одери встрепенулся.

– Вот, еще, смотри.

Он подвел ее в темнеющий угол комнаты, где расставлены были какие-то неопределенной формы предметы. Потом тихо наклонился к одному из них, похожему на гигантский колокол, и погладил его рукой. И тут же волны легкого, мерцающего света покатались по потолку и стенам.

– Вот оно как, – подумала Маркиза, у которой в памяти вдруг всплыло, как поднятием руки открывалась калитка в доме Лесничего. – Значит, многое мы взяли у Синегории.

А тем временем стены и потолок словно раздвинулись, стали объемными, а зыбь на стенах приобрела ясные очертания созвездий – странных созвездий, которые Маркиза еще не видела. Они не просто сияли, они словно пульсировали, как живые.

– Вот тут, – Одери указал куда-то в глубину, темный провал неба, – должно было быть Онтарио. Его голос затих, а Маркиза все стояла и смотрела, как сияют звезды уже угасшего мира...

– А, вы здесь! – раздался веселый голос. Полог раздвинулся, и Вескис появилась на пороге. Она оглядела их и, видимо, сразу поняла их настроение. Улыбаясь, Вескис обняла Одери, потом подняла руки к небу и заговорила на нежном, певучем своем языке, обращаясь то к звездам, то к Одери с Маркизой, нимало не заботясь о том, что Маркиза ее не понимает. Одери тихо вторил ей: наверно, они читали какой-то свой гимн или стих, известный обоим. Печаль ушла. И как только их голоса смолкли, звезды померкли, снова проступил потолок и стены. Они возвращались домой.

– Пойдемте, нас ждут, – сказала Вескис.

Они вышли из маленького тайника Синегории, только Маркиза на пороге оглянулась: что-то ей подсказывало, что не скоро она окажется опять в этом месте. Она обвела глазами предметы, на которые сразу не обратила внимание: освещенные лучами таинственных светильников дощечки с выщербленными на них письменами, нечто, похожее на объемную фотографию, стоящее на деревянной полке: чуть видны были лица людей, молодые и незнакомые; стеклянные шарики, разбросанные между металлическими изделиями и книгами, и еще какие-то предметы и пейзажи с потускневшими красками. У нее защемило сердце... Но нужно было идти.

Оказалось, что на лугу, перед холмом, уже разведен костер, и вся группа Вескис встретила появление Одери и Маркизы приветственными возгласами.

Радостным был этот вечер. Впереди предстояла далекая дорога, а будущее было неопределенным. И в последние часы в Заозерье всем хотелось еще чуть-чуть надышаться воздухом заповедного места. Они ужинали печеной картошкой и рыбой, которую Дон Пьетро никому не доверил насаживать на шампур (к немалому протесту Келвина и Френка, которые ее ловили). Маркиза заметила, что все стараются особенно оказать внимание Одери: Дон Пьетро предлагал ему первый кусок печеной рыбы, Френк принес специально изготовленную дощечку для сиденья; Владеница сплела ему венок из желтых одуванчиков и торжественно надела: «Теперь ты будешь нашим Аполлоном, Одери!», а рукодельная Елена подарила собственноручно сплетенную сумку для сбора трав. Одери смущался, принимая подарки, а Вескис счастливо улыбалась.

Занимался закат. И когда багровые отблески позолотили небо, Вескис встала, подняв руки к вечернему, угасающему солнцу. Она запела первой, и тут же Летающие люди подхватили напев. И сразу затрещали искры в костре: ветер ударил в ответ. Ветер всегда откликался на песню.

«Сейчас бы подняться!» – подумала Маркиза, и сердце ее радостно затрепетало: они уже поднимались. Никто не говорил им, что нужно делать: Маркиза чувствовала, что надо просто подниматься навстречу закату. А музыка все звучала, лилась свободно, и Маркиза услышала голос Одери: снова нежный и печальный голос Синегории разливался вокруг. Даже небо не заглушало его. И она закружилась в закате, танцуя, так же, как и все, и взяла за руки Вэлли и Трико, оказавшихся рядом, и увидела, как группа Вескис образовала круг. А в центре был Одери и его песня. Вескис подпевала ему. И Маркиза ощутила тепло Синегории, печаль Синегории, и поняла, что Синегория не умерла и не исчезла, а передается теперь им, чтобы они могли принести и ее Онтарио. Их танец, перед лицом уходящего солнца, был принимающим, а песня Одери – отдающей. И она танцевала и танцевала, все медленнее и осмысленнее, стараясь понять и запомнить. А потом закат померк, туман коснулся сосновых вершин, и они опустились.

Костер догорал. Они подходили к Одери и обнимали его, и желали всего самого лучшего, чего только можно пожелать. И Маркиза обняла его и поцеловала, почувствовав слезы – его или свои? – на худой его щеке. Владеница сказала ей тихонько: «Пойдем!», и они пошли по тропке домой, оставив у угасающего костра Одери и Вескис. Они не хотели мешать прощаться детям Синегории.

12

Казалось, Маркиза только коснулась подушки щекой, а над нею уже стояла Владеница, легонько тормоша ее:

– Просыпайся, Малыш, скорее. Надо быстро собираться. Вескис сказала, возможно, будет гроза. Уэслеры беспокойны.

– Сколько время?

– Пол-шестого. Точнее, пять двадцать. Вставай, нужно все делать очень быстро.

Маркиза и представить не могла, что так быстро можно собираться. Казалось, все в доме крутилось и вертелось. Раздавалось пение: это Вескис напевала, собираясь. Бодро шумела соковыжималка. Раз, – и они уже позавтракали, вещи были собраны и аккуратно уложены. Два, – и они стояли в своих золотисто-белых одеждах в холле, пристегивая дорожные сумки. Вескис давала последние указания, и в голосе ее Маркиза уловила сдерживаемую тревогу:

– Что ж, друзья, летим в том же порядке. Если что... ведущим будет Трико (на этот раз Трико лишь сосредоточенно кивнул). Мы с Френком и Вэлли прикроем группу. Если мы оторвемся – не следуйте за нами. Ведущий – Трико. – Она сделала паузу. – Обстановка сейчас не самая благоприятная, но лететь надо. – И глядя куда-то вглубь себя, добавила: – Лучше уже, возможно, и не будет. Уэслеры ворочаются.

У Маркизы сердце тревожно забилось. «Ворочаются уэслеры» – это был термин у Летающих людей, означающий, что среди уэслеров началось брожение, движение. Это сулило мало приятного.

– Они проснулись? – с ужасом в голосе спросила Елена.

«Проснулись» – это было еще хуже. Когда уэслеры «просыпались» (а было это, к счастью, нечасто), они начинали активно поглощать Летающих людей. В такое время не то что летать – подниматься в небо было смертельно опасно.

– Нет, – покачала головой Вескис. – Нет еще. Но это может случиться в любой момент. А лететь надо срочно. Сами знаете, – Онтарио.

И Маркиза поняла, что Онтарио сейчас важнее всего, даже важнее страха перед уэслерами.

– Маркиза, – обратилась к ней Вескис, – держись Кэлвина и Влада. Кэлвин, – тот кивнул, – позаботься о ней.

Подойдя, она улыбнулась и положила руку на плечо Маркизе.

– Держись, малыш – ободряюще сказала она. – Если даже я не смогу тебя подхватить, рядом будут друзья, они помогут.

– Да ладно, Кис, – вмешался Трико, – вытащим мы и Маркизу и тебя, если что.

Все улыбнулись.

Потом Вескис сказала серьезно:

– Пожалуйста, будьте собраны. Не теряйте музыки. Даже если строй пропадет, это не беда, главное – слушайте музыку. Она вас выведет.

Она сделала руками какое-то чуть ощутимое, ласкающее движение, – и воцарилась тишина. Маркиза видела, что каждый в этот миг погрузился в сосредоточенное осмысление чего-то своего, собственного.

Вескис стояла, наклонив голову, сложив молитвенно руки, и губы ее чуть шевелились. Маркиза вспомнила крест в комнате Одери и подумала, что, верно, она читает молитву. К ее удивлению, она увидела, что многие, видимо, делают то же. Сама она молиться не умела. Ей захотелось вспомнить что-то действительно важное, что помогло бы ей в дороге. Мама... Она так давно ее не видела! Но воспоминание о маме было каким-то болезненно-виноватым, и Маркиза поспешила запрятать его обратно. Если с ней что случится, мама не переживет этого. Она и так не знает ничего про Летающих людей... Нет, не поможет ей мама. Что еще? И тогда она вспомнила Онтарио. Ясное, теплое, глубокое... У этого небесного тела явно была душа. Душа должна была прийти в этот мир, а ей нужно было помочь. И тогда вдруг мысли ее обратились – не к Онтарио даже, а к Хранителю всех душ, к той Высшей силе, которую Маркиза хотя и не знала лично, но присутствие Ее или Его смутно ощущала всем своим существом.

– Пожалуйста, помоги нам, – попросила она. – Мы просто хотим помочь Онтарио войти в наш мир. а для этого нам нужно вернуться домой и пролететь мимо этих жутких уэслеров. Пожалуйста.

И произнеся мысленно эту почти детскую молитву, Маркиза почувствовала вдруг ее неполноту, недостаточность. Ее сердце просило других слов. И она продолжала:

– Если даже... если с нами что-то случится, пожалуйста... позаботься об Онтарио. Это было самое лучшее, что я видела... что есть в моей жизни. Не дай ему пропасть. Если не мы, найди других. Это важнее всего. Пожалуйста.

Она почувствовала, что на сердце к ней приходит покой, словно Онтарио вновь коснулось ее своим лучом. Она подняла глаза, – и поняла, что все уже готовы к полету.

На улице было тихо, серо и пасмурно. Они шли той же дорогой, что когда-то привела их к бревенчатому дому, – а теперь уводила. Скрылся дом за деревьями, – скоро ли она опять увидит его? И снова сердце подсказало ей, что не скоро.

Вышли к ручью. Через мостик, дальше, дальше –

*Мимо трав, подлесками – и сквозь тьму,
К свету, мне известному,
Одному, -*

вспомнилось ей.

Вот показалась площадка, на которую они опустились. Как давно это было! Словно часть жизни оставалась в Заозерье, – а прошло-то двенадцать... пятнадцать... семнадцать дней! Много это или мало? Видимо, очень, очень много, раз в них вместились столько всего, что уже невозможно отменить и вычеркнуть из жизни: Одери, Синегория, Онтарио восходит...

Они выровняли строй и запели. И тот час же ударил ветер. Словно парус натянулся в строю, – они оторвались от земли и взлетели.

Ветер был сильным, намного сильнее, чем в тот раз, когда они летели в Заозерье или когда добирались до озера. Но и Маркиза чувствовала себя намного сильнее. Да и песня была такой призывной, ясной и сильной, так звонко звучали в ней обретенные напевы Синегории, что ветер, казалось, лишь помогал разливаться в небе их музыке. Они прорвались к солнцу, навстречу золотистым лучам, – и Маркиза перестала бояться. Под ними клубились облака. Над высокими, темными кручами Летающие люди скользили вперед, – и небо, как ей казалось, вторило их мелодии. Они неслись – как стрела, имеющая свой путь, по бесконечному простору, ныряя и лавируя между темными глыбами, по зыбкой солнечной дорожке. Маркиза чувствовала строй, как никогда. Внутри нее все пело. Вокруг все пело. Жизнь была наполнена смыслом, – есть песня, есть путь, а где-то там, в вышине небес, ждет их Онтарио. Есть все, что надо для жизни.

И тут... Внезапно она ощутила холод. Не переставая петь, Маркиза почувствовала, как строй начинает трясти и одновременно – как резко потемнело вокруг. Она подняла глаза – и внутри у нее похолодело: огромные и бесформенные кручи громоздились, набухали впереди, чуть сверху, справа от их дороги.

«Уэслеры?» – проснеслось в голове Маркизы. Строй тряхнуло. Потом еще раз. Они взяли за руки и запели. Но Маркиза чувствовала, как что-то мешает их песне литься легко и полноводно, словно жизнь из нее уходила. Уэслеры, – а она не сомневалась, что это были они, – еще не приближались к ним, но и не отступали.

«Словно они охотятся за нами, – подумала Маркиза, – Будто вытягивают все силы, а потом...» Ее сердце забилося тревожно.

Там, справа, раздался тихий, низкий рокот. «Гроза? – подумала Маркиза, – Летающие люди остерегаются грозы. Нет, не гроза. Это уэслеры».

Они полетели быстрее. Маркиза ощутила, как убыстрился ритм их музыки, как изменился строй. Они все держались теперь за руки и стремительно летели, почти прижавшись друг к другу.

«Успеем, не успеем? Нет, где тут успеть...» Кручи вдруг начали словно отступать. Но была в этом отступлении такая странная, таящаяся угроза, что у Маркизы опять засосало под ложечкой. Словно гигантская волна, собираясь, начинает с отлива, – а потом бросается вперед. «Они готовятся поглотить нас» – подумала Маркиза и с ужасом увидела, как действительно, отступая, волны становятся все более мощными. Они вспухали на глазах, вздымаясь все выше, закрывая дорогу. Темная, мрачная, нависающая над Летающими людьми масса, сгусток застывшей древней силы... Маркиза физически почувствовала, как замедляется темп, как медленнее начинает течь время.

«Боже мой, Боже мой! Неужели вот так – и все?» – подумала она. Их песня стихала, стихала. Уэслеры теперь объединялись в гигантскую набухающую волну. Она издавала тихий (и оттого еще более устрашающий) низкий рокот...

И все же они летели. Их трясло, песня была чуть слышна, но она все еще пробивалась сквозь рокошущую лавину. Но впереди было темно, все темнее и темнее... И вдруг Маркиза ясно услышала:

– Летите за Трико!

Словно луч отделился от строя и метнулся вперед и вправо, прямо навстречу уэслерам: впереди Вескис, за ней – Френк и Вэлли. Маркиза на миг оцепенела. Потом ее потянул Кэлвин:

– Давай, давай! – и она пришла в себя.

Там, вдали, летела Вескис и пела. И Маркиза услышала ее песню, потому что, как ни странно, тьма уэслеров не могла ее поглотить. Всей своей огромной массой уэслеры словно подобрались, обратившись к трем фигуркам, летевшим к ним навстречу. Вескис, Френк и Вэлли совершали какие-то странные движения, похожие на танец, только немного скомканный, дерганный.

«Ну да, – подумала Маркиза, – словно им что-то мешает танцевать. Мешает двигаться. Там же вокруг уэслеров все замирает!»

– Они отвлекают их от нас? – обратилась она к Кэлвину, перекрывая свист ветра и грохот уэслеров.

– Лети, лети, не останавливайся! – ответил тот, перекрывая гул, – главное – не останавливаться!

Потом она увидела, как Френк и Вэлли остановились, словно достигнув невидимой стены. Вескис полетела дальше.

«Они не могут ее остановить! – подумала вдруг Маркиза. – Теперь, когда она видела Онтарио, уже ничто не сможет остановить ее».

Вескис летела во тьму – белая полетка была маленьким сгустком света во мраке. Ее песня была все еще слышна. Странная, дивная мелодия, словно эхо звучания древнего мира, зовущее все силы света вспомнить о нем.

«Это – синегорская песня, – подумала Маркиза, – поэтому тьма не может поглотить ее. Это н е н а ш а песня».

Вескис подлетела, казалось, к краю сгущающегося мрака, и начала подниматься вверх: медленно, словно танцуя, а звуки музыки все звенели... Пронзительно и ясно, возле самой тьмы, звучала ушедшая навсегда музыка Синегории.

Мелькнула молния. Уэслеры вдруг встретились, и тьма медленно поползла вслед за Вескис, ввысь.

Уэслеры поднимались. Тьма рассеивалась, появился зазор, сквозь который мелькнул солнечный луч.

– Летим! – Келвин дернул Маркизу так сильно, что хрустнули суставы в руке. Они понеслись вперед. Пролетая в том месте, где еще недавно был мрак, Маркиза подняла глаза ввысь и увидела, как снижаются две белые точки: Френк и Велли летели к ним. А где-то еще выше клубился сизый сумрак и доносился отголосок песни Вескис.

Потом Маркиза уже ни о чем не думала, – только летела и летела, ветер свистел у нее в ушах, как в ту ночь, когда она бежала в лес к Летающим людям. Только теперь они были рядом и вокруг – небо, и какое-то необыкновенно яркое сияние их окружало, и вдруг – Маркиза увидела, что впереди уже летит Вескис!

Все в ней запело. Так прекрасен был мир, в котором ничто не умирало, и были Синегория и Онтарио, и Одери, и Летающие люди!

– Как ей удалось? Как удалось? – спрашивала она возбужденно.

Несколько счастливых лиц повернулось к ней.

– Уэслеры не могут достать до звезд! – крикнула Елена.

– Они не умеют! – радостно вопил Трико, – Они падают! Хлопаются! Уэслеры маст дай!

– А мы можем! – подхватил Влад, – Нас ждет Онтарио!

И они запели об Онтарио.

А небо их слушало, вплетая их песни в бесконечные узоры своих дорог.

Маркиза летела и пела со всеми. А когда долгий день подошел к закату, она увидела, как путь их подходит к концу: знакомый Облачный тракт напомнил о доме. Они нырнули в белизну облаков и стали опускаться – ниже и ниже, вот уже и озеро видно, и деревья, и остров...

Они тихо опустились на площадку, остановились и несколько минут продолжали петь. Потом песня их смолкла.

Летающие люди пошли по тропе к кромке воды (только теперь Маркиза поняла, как же она устала!). Лодки все так же покачивались у берега. Фонарики, заботливо прикрытые тяжелой тканью, чуть позвякивали, когда ребята отвязывали лодки.

Маркиза села в лодку с Владеницей и Владом. Как во сне она видела, как зажигают фонарики, – и вдали, на берегу озера, увидела ответный свет. Она бы удивилась, если б не увидела его – прилетающих издалека непременно кто-то встречал.

Летающие люди запели обычную встречную песню. А когда лодки стали подходить к берегу, и оттуда донеслось приветствие, Вескис, плывущая в соседней лодке, тихо сказала (но по воде разнеслось далеко):

– Пусть Маркиза ответит!

И сбылось самое тайное желание Маркизы – от всей своей группы, от всех Летающих людей, отправлявшихся в дальние странствия, она крикнула чуть дрогнувшим голосом:

– Мир вам! Мир вам, хранящие свет и тепло Земли!

А Трико прибавил (он не мог не прибавить):

– Нас, может, не ждали, а мы вот пришли!

– Ждали, ждали! – донеслось с берега.

13

Конференция по тоталитаризму, – рутинное, в общем-то, ежегодное мероприятие, – оказалась неожиданно оживлена вдруг возникшей темой «флайменов», к которой проявили интерес сразу несколько структур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.